

«Сколько бы граждан, побуждаемых истинным рвением, не явились возложить на алтарь отечества пышные, но бесполезные символы суеверия, чтобы содействовать этим триумфу родины,— отчество и родина всегда будут встречать с улыбкой эти приношения; сколько бы граждан не отказывалось от совершения тех или иных церемоний и не присоединялись бы к тем убеждениям, которые на их взгляд наиболее соответствуют истине,—разум и философия могут приветствовать их поведение. Но по какому праву аристократия и лицемерие примешиваются в этом деле свое влияние к влиянию гражданственности и добродетели? По какому праву неизвестные доселе за все время революции люди используют все эти события для того, чтобы создавать себе популярность, чтобы провоцировать патриотов на неправильные поступки и вызывать среди нас раздоры и распри? По какому праву они во имя свободы являются нарушать свободу культов и бороться с фанатизмом, вызывая этим расцвет нового фанатизма? По какому праву они превращают в надоедливые и смешные фарсы те торжества, которые устраиваются для прославления истины? Почему мы позволяем им играть народным достоинством и привязываем дурацкие погремушки к скипетру философии?

«Есть люди, которые вообразили, что Конвент, приняв подношения церковных ценностей, тем самым упразднил католический культ.

«Нет, Конвент не совершил этого безрассудного поступка и никогда не совершил его. Его целью является поддержание свободы культов, которую он сам установил, и вместе с тем, наказание всех тех, кто воспользуется ею с целью нарушения общественного спокойствия. Конвент не допустит преследования мирных служителей культа, но будет строго карать их каждый раз, когда они осмелятся воспользоваться своим положением, чтобы обмануть граждан или восстановить их против Республики поддержкой роялизма или предрассудков. Многие ставят священникам в вину, что они служат обедни, но они будут служить их еще больше, если чинить им в этом препятствия. Тот, кто хочет помешать им силой,—больший фанатик, чем тот, кто служит обедню.

«Есть люди, которые заходят еще дальше и под предлогом разрушения суеверия хотят установить особую религию, религию атеизма.

«Каждый философ, каждый человек может иметь по этому вопросу любые убеждения. Но безрассудно поступает тот, кто хочет сделать из этого преступление; общественный деятель или законодатель будет в тысячу раз более безрассудным, если он узаконит эту систему атеизма. Национальный Конвент с отвращением отвергает ее. Конвент—не автор философских книг и не творец метафизических систем; это созданный для народа политический организм, обязанный заставить уважать не только права, но и обычай французского народа. Ведь не

даром Конвент провозгласил декларацию прав человека перед лицом Верховного Существа.

«Быть может будут говорить, что я узкий и погрязший в предрассудках человек; быть может меня даже назовут фанатиком.

«Но я уже сказал, что говорю не как частное лицо, и не как философ, а как народный представитель. Атеизм аристократичен; идея же великого существа, которое защищает угнетенную невинность и карает торжествующее преступление,—это идея в высшей степени демократична (бурные апплодисменты). Мне рукоплещет народ, угнетенные; критику же я могу встретить только в среде богачей и преступников. Уже в школе я был плохим католиком, но я никогда не был равнодушным или непостоянным защитником гуманности. Теперь я еще больше привязан к тем моральным и политическим идеям, которые я изложил вам. Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать.

«Я говорю сейчас с той самой трибуны, с которой нечестивый Гюаде обвинял меня в том, что я произнес слово «пророчество». И когда же? Когда сердце содрогалось от всех преступлений, свидетелями и жертвами коих мы являлись; когда, проливая горькие слезы о бедствиях постоянно предаваемого и угнетаемого народа, я пытался возвыситься над толпами окружавших меня заговорщиков и, за отсутствием народной власти, призывал на них громы небесного мщения. Это чувство живет в сердце каждого чувствительного и незапятнанного человека; оно всегда воодушевляет мужественных защитников свободы. До тех пор, пока существуют тюрьмы, оно будет сладостным утешением для сердца угнетенных, и если когда-нибудь у нас будет восстановлена власть тиранов, то найдется ли хоть одна мужественная и добродетельная душа, которая не станет тайно жаловаться на их святотатственную победу той вечной справедливости, которая вписала во все сердца смертный приговор всем тиранам. Это чувство есть у всех народов Европы и всей вселенной; оно свойственно и французскому народу. У нашего народа нет привязанности ни к священникам, ни к суеверию, ни к религиозным церемониям; ему дорог только самый культ, т.-е. идея о непостижимой власти, карающей преступление и поощряющей добродетель. Воздаваемые этой власти почести являются ничем иным, как проклятием несправедливости и торжества преступлений.

«И если философ может основывать свою мораль на других принципах, то будем остерегаться подрывать этот священный инстинкт и чувство, общее всем народам. Где тот гений, который при помощи своего изобретения может в одно мгновение заменить эту великую идею, охраняющую общественный порядок и все добродетели частной жизни?

«Разве вы не видите ту ловушку, которую расставляют нам враги Республики и подлые приспешники иностранных тиранов? Выдавая

крайности отдельных лиц и их экстравагантность за наши общие убеждения, они хотели бы сделать нас ненавистными для всех народов и этим укрепить колеблющиеся троны тех негодяев, которые их уже угнетают. И какую минуту выбрали они для своих преступных происков? Минуту, когда обединенные армии тиранов побеждены или отброшены гением Республики; минуту, когда тираны хотят заглушить ропот народов, измученных и возмущенных их тиранией; минуту, когда они заставляют нейтральные или соседние с Францией государства на сторону наших врагов. Негодяи хотят оправдать все те грубые клеветнические выпады, бесстыдство которых признано всей Европой; при помощи религиозных убеждений и предрассудков они пытаются оттолкнуть от нее тех, кто из-за чувства морали и сознания общности интересов присоединились к той святой и возвышенной цели, которую мы защищаем.

«Повторю: нам нечего бояться иного фанатизма, кроме фанатизма этих безнравственных людей, подкупленных иностранными дворами для того, чтобы пробудить фанатизм и придать нашей революции налет той безнравственности, которая столь характерна для наших подлых и жестоких врагов»¹⁾.

Повторив затем все то, что было сказано им уже 27 брюмера относительно провокационной деятельности иностранных агентов, Робеспьер назвал в качестве таковых Дююиссона, Проли, Дефье и Переира и потребовал их немедленного исключения из якобинского клуба. Кроме того Робеспьер предложил произвести общую чистку клуба, дабы таким образом «узнать и исключить всех агентов иностранных держав, проникших по их распоряжению в состав клуба». Все эти предложения были тут же приняты якобинцами. Таким образом, воспользовавшись религиозным вопросом, Робеспьер нанес сокрушительный удар по тем самым людям, которые были указаны Шабо (а незадолго перед тем—Фабр д'Эглантином)²⁾ и это обстоятельство еще раз доказывает нам ту тесную связь, которая существовала в это время между религиозной и общей политикой монтаньяров.

Речь Робеспьера 1 фримера и в особенности подчеркнутые нами в ней места являются блестящим доказательством всего того, что нам уже неоднократно приходилось говорить относительно движущих пружин позиции «неподкупного» в вопросах религиозной и церковной политики. В частности, мы в свое время отмечали, что из двух функций, возлагавшихся до революции на религию идеологами французской мелкой буржуазии—защиты от опасности как слева, так и справа—первая должна была отойти на задний план с того самого момента, как мелкая буржуазия стала во главе революции, а вторая должна была оказаться ненужной, покуда мелкая буржуазия держала в своих руках всю полноту политической власти. И действительно—легко

¹⁾ Пользуемся частично русским переводом, содержащимся в хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

²⁾ О доносе Фабр д'Эглантина см. А. Матье, «Французская Революция» т. III, гл. VIII, а также и другие указанные выше книги того же автора.

убедиться, что в анализируемой речи Робеспьера соображения первого порядка звучат крайне слабо (единственный намек в этом смысле—это указание, что религия есть «великая идея, охраняющая общественный порядок»), а функция религии, как защитницы от опасности справа, прямо связывается с возможностью торжества контр-революции.

Однако мы знаем, что помимо принципиальных соображений, естественно связанных с его классовой сущностью и заставлявших его быть ярым врагом атеизма, Робеспьер в своем отношении к религии исходил еще и из соображений практической политики текущего дня. И если соображения первого рода делали из него действа, то боязнь оттолкнуть от революции широкие народные массы как самой Франции, так и других стран, заставляла Робеспьера, по своим личным убеждениям отнюдь не бывшего верующим католиком, относиться к этой религии с крайней осторожностью и бережностью. Отсюда его решительное осуждение не только атеизма, но и дехристианизации и обявление сторонников таковой агентами иностранных держав; отсюда же и его утверждение, что Конвент, борясь с контр-революционными церковниками, отнюдь не намеревается бороться с католической религией, как таковой.

Пронализировав речь Робеспьера, мы должны перейти теперь к рассмотрению ее последствий. Последствия эти оказались уже на следующий день, 2 фримера. Мы видели выше, что еще 21 брюмера Национальный Конвент, по предложению Тюро декретировал в принципе установление пенсии для отрекающихся от своего сана церковников. 2 фримера робеспьерист Форестье от имени комитетов финансов и законодательства представил Конвенту проект декрета, устанавливавшего пенсию для всех «епископов, кюре и викариев уже отрекшихся или еще имеющих отречься от их состояния и священнических функций». Чтению этого проекта Форестье предположил небольшой доклад, в котором, между прочим, говорил:

«Является ли неожиданное изменение, произшедшее, повидимому, в отношении народа к его священникам, результатом злых намерений и интриг вечно бодрствующих Питта и Кобурга; является ли оно, наоборот, извержением вулкана слишком долго плененной истины,—необходимо, чтобы независимо от причины этого движения, Национальный Конвент взял его в свои руки и ловко повернул его на пользу общественного дела.

«Конвент торжественно обещал оплачивать нынешних священников, или, говоря точнее, выплачивать им пенсию. Было бы справедливо, если бы он оставил их без гроша в минуту, когда, подхваченные волной общественного мнения, они отрекаются от профессии, доставлявшей им сытую жизнь?...

«Продолжение исполнения функций священника сделалось сейчас позором и даже преступлением, но священники в общем и целом, являются лишь заблуждающимися людьми и они нуждаются в помощи и прокормлении. Их не следует доводить до отчаяния слишком большими строгостями. Нельзя долгое время оставаться приверженными учению или идеям, осужденным

разумом всего мира. Поэтому большая часть священников может стать полезной

«Тerror должен конечно оставаться в порядке дня, покуда продолжается революционный кризис, но это чувство должно быть умерено примесью справедливости и благотворительности, предписывающими протягивать руку несчастью и раскрывающе- му глаза заблуждению» (Курсив наш. Я М.).

Точка зрения Форестье была целиком поддержана другим робеспьеристом—Левассером. «Фанатизм,—говорил он—был всегда величайшим бичем человечества. Если бы вам сказали: законодатели-философы, деньгами можно защитить людей от причиняемых им бедствий, разве вы стали бы торговаться относительно цены счастья человеческого рода? Нет конечно, и вы бы щедро рассыпали потребное для этого золото. Так вот—устанавливая вознаграждение священников, вы тем самым окажете услугу человечеству и вы навсегда устраните фанатизм с почвы Франции. Но если вы лишите их средств существования, то священники вместо того, чтобы отрекаться, постараются может быть воскресить суеверие».

Но если таким образом доводы Форестье встретили полное одобрение Левассера, а также довольно близких в этот момент к робеспьеристам Мерлена из Тионвилля и Камбона, то совершенно иначе, само собой разумеется, должны были отнеслись к ним эбертисты. Поэтому неудивительно, что неизвестный член Конвента, обозначенный в отчете о заседании тремя звездочками, решительно обрушился на предложенный Форестье проект диктата.

«Граждане,—говорил он,—я думаю, что перед тем, как что-либо решить относительно судьбы священников, нужно рассмотреть вопрос, не обязана ли нация оказывать скорее помощь защищавшим родину неизвестным, нежели священникам, отрекшимся от сана обманщикам, и достаточно молодым, чтобы работать. Когда вы отменяли порочные учреждения старого режима, разве вы установили вознаграждение для всех входивших в их состав людей? Нет, вы установили помочь лишь для тех, кто не в состоянии зарабатывать себе на жизнь. Тоже самое различие должно быть усвоено и в отношении священников. Проект декрета абсурден, так как предполагает продолжение оплаты епископов и священников, и это в то самое время, когда вы распространяете по всей Республике тот принцип вечной истины, что попы были бичами наций и что их руки залили землю кровью народов».

Мы рассмотрели точки зрения, высказанные в заседании 2 фримера робеспьеристами и эбертистами; но какова была в этой дискуссии позиция дантонистов? Мы видели выше, в силу каких обстоятельств дантонисты еще 21 брюмера круго изменили свою прежнюю линию поведения и из сторонников дехристианизации стали ее противниками; после доноса Шабо эта эволюция дантонистов могла только прогрессировать. Уведомленный о доносе Шабо своим другом и единомышленником Куртуа¹⁾, Дантон из Арсиса на Обе, где он был в то время в отпуску, возвратился 30 брюмера в Париж и, как рассказывает об этом в своих мемуарах Гра, начал готовиться к организации переворота, предпосыл-

кой которого должен был явиться союз с Робеспьером. При таких условиях не может вызвать удивления, что речь, произнесенная Дантоном в конвентском заседании 2 фримера, была чрезвычайно близка к тому, о чем говорил накануне «неподкупный».

«Граждане,—начал Дантон,—французский народ выявил свое мнение; национальный разум достиг своего апогея; царство священников окончилось, а в области политики царями являются вы. Поэтому вы должны делать все то, что полезно народу и тщательно избегать того, что может его погубить или ему повредить. На каких соображениях основываете вы издаваемые вами декреты? На экономии человеческой крови. Так знайте же, что ваши враги готовы использовать для вашей погибели даже руководящую вами философию; они надеются, что приветствуя священников, которых разум вынуждает отречься от их сана, вы станете преследовать тех, что ослеплены вуалью заблуждений... Но если Питт думал, что гибель фанатизма сделается, вследствие сопряженных с ней преследований священников, препятствием для нашего возвращения в Бельгию, то пусть он убедится в своей ошибке и научится уважать великодушную нацию, которую он до сих пор не переставал хуить.

«Граждане, политика должна строиться на здравом смысле. Знайте, что если вы лишите священников возможности существовать, вы тем самым приведете их к альтернативе умереть с голода или присоединиться к вандейским мятежникам... Я требую экономии человеческой крови, я требую, чтобы Конвент был справедлив в отношении тех, кто не проявил себя врагами народа».

При выявившемся таким образом совпадении взглядов робеспьеристов и дантонистов, было вполне естественно, что Конвент в том же заседании принял проект Форестье. Что же касается до Дантона, то высказанная им 2 фримера точка зрения получила дальнейшее развитие в двух его выступлениях 6 фримера.

2 фримера Национальный Конвент, в связи с появлением в его зале священников, заявлявших о своем отречении от духовного сана, декретировал, что отныне такие заявления должны делаться не пленуму Конвента, а его комитету народного образования. Однако, не взирая на это постановление, многие отрекшиеся священники продолжали являться в Конвент и, в частности, тоже самое имело место в заседании 6 фримера. Вот это-то обстоятельство и послужило поводом для первого выступления Дантона.

«Существует декрет,—начал он свою речь,—который предлагает священникам, отрекающимся от своего сана, заявлять об этом комитету. Я требую выполнения этого декрета, так как не сомневаюсь, что в противном случае эти отречения от обмана станут бесконечными. Не следует восторгаться поведением людей, лишь захваченных общим потоком. Не будем увлекаться никем. Если мы не чтили служителей заблуждений и фанатизма, то мы не должны точно также почитать служителей неверия; мы должны служить одному только народу. Я требую, чтобы в недрах Конвента не происходило больше антирелигиозных маскарадов. Люди, желающие возложить на алтарь отечества церковные ценности, не должны превращать это в комедию или триумф. Нашей задачей отнюдь не является принимать без конца депутатации, повторяющие одно и то-

¹⁾ А. Марс. «Французская Революция», т. III, стр. 117.

же. Должен быть конец всему и даже поздравлениям. Я требую поставить на этом точку» (Курсив наш. Я. М.).

Еще более ярким было второе выступление Дангона в том же заседании 6 фримера, в котором он, требуя скорейшей организации гражданских праздников, говорил:

«Народ должен иметь празднества, во время которых он будет воскуривать фимиам Верховному Существу, владельцу природы. Ведь мы не для того стремились уничтожить суеверие, чтобы установить царство атеизма».

Само собой разумеется, что если прежняя анти-христианская линия дантонистов была лишь результатом демагогии и составляла ничто иное, как ловкий тактический ход, то теперь, после совершенного ими крутого поворота, дантонисты лишь возвращались к своей основной религиозной политике. Как известно, именно в это время—во фримере II года дантонисты с полной откровенностью выставляют свою программу, сводившуюся к постепенному свертыванию революционного порядка управления и террора и переходу к «мирным» методам управления. Совершенно естественно, что предлагаемая дантонистами в интересах «новой» буржуазии политическая реакция, должна была сопровождаться и реакцией религиозной.

Перед лицом обнаружившегося в начале фримера сближения в вопросах религии между дантонистами и робеспьеристами, шометтисам и эбертистам не осталось ничего иного, как отступить. Если еще 3 фримера Парижская Коммуна приняла свое уже известное нам знаменитое постановление о закрытии всех парижских церквей, то это было ничем иным, как актом отчаяния. Уже 5 фримера Шометт ополчается на принятые Коммуной 3-го числа в его отсутствие постановление—ходатайствовать перед Конвентом о запрещении священникам заниматься какой бы то ни было работой, а 8 фримера Коммуна по его предложению обявляет, что она «не имела ввиду... мешать гражданам нанимать дома и оплачивать священников для отправления какого бы то ни было культа, лишь бы выражение этого культа не наносило вреда обществу».

В тот же день, 8 фримера, в заседании якобинского клуба забил отбой и Эбер. Поводом его выступления явилась произнесенная в этот день речь Робеспьера, в которой тот, между прочим, говорил:

«Я первый посмел заявить с этой трибуны, что и священник может быть честным человеком. И я продолжаю это думать, ибо многие из них явились в Конвент с прямолинейным заявлением об отречении от своего сана. Такие люди имеют все права на наше уважение и мы их поддержим.

«Но что сказать о тех аристократах, которые, неся среди неялых фарсов церковную утварь, пытаются поставить это себе в заслугу и в то же самое время говорят народу:—«Вы видите, что с вами произошло? Разве мы были неправы, когда говорили вам, что Конвент—сборище атеистов, а все якобинцы—безбожники? Теперь вы видите, до чего они довели свою смелость и свои преступные намерения?». Эти господа понесут за свое лицемерие достойное наказание.

«Европейские короли... поняли все выгоды, которые они мо-

гут извлечь из религиозных мнений. Они сказали себе: католики и в особенности более преданные своей религии протестанты смогут содействовать нашим намерениям, если мы только сумеем во-время и пробудить их тревогу. И они стали изображать Конвент, как соучастника всех этих безобразий (т. е. дехристианизации. Я. М.)».

Итак, Робеспьер уже в третий раз публично заявлял, что инициаторы дехристианизации являются «наймитами иностранных тиранов. Ясно, что на это обвинение приходилось так или иначе отвечать, и таким ответом Робеспьеру явилась речь Эбера, произнесенная в конце того же самого заседания якобинского клуба 8 фримера.

«Есть люди,—начал Эбер,—которые хотят заставить провести, что мы стремимся лишь заменить один культ другим. И они устраивают в честь Марата такие же точно религиозные процесии и церемонии, какие раньше делались в честь святых.

«Столь блестящие почести памяти Марата воздают никто иные, как те самые люди, которые при его жизни в течение четырех лет заставляли его прятаться в погребе. Марат, если бы он был жив, точно также как и вы осудил бы и осмеял это обожествление...

«Мы уже воспрепятствовали этой профанации: будем же продолжать самое пристальное наблюдение. Надо вам сказать, что это все ничто иное, как ловушка, расставленная врагами народа для того, чтобы дискредитировать революцию и придать ей налет смешного. Уже говорят, что парижане—люди без веры и религии и что они заменили Иисуса—Маратом. Мы должны рассеять эту клевету».

Итак, Эбер не только вопреки всякой очевидности заявлял о своей непричастности к дехристианизаторскому движению, но и осуждал его почти в тех же самых выражениях, что и Робеспьер. При таком соотношении сил являлось само собой разумеющимся, что Культ Разума был осужден на неизбежную ликвидацию, доженствовавшую впрочем лишь наложить законодательный штамп на уже известную нам фактическую неудачу всего дехристианизаторского движения и при сложившихся условиях вопрос этот должно было быть делом даже не недель, а в буквальном смысле слова дней. Так оно в действительности и произошло.

Однако, было бы неправильно полагать, что Конвент двигался в этом направлении прямолинейно и без колебаний. Инерция почти двух месяцев дехристианизации была слишком сильна, чтобы можно было предполагать возможность такой прямолинейности и поэтому неудивительно, что Конвент все эти дни не только продолжал довольно благосклонно встречать сообщения об отречении церковников¹), но и посыпал делегации для участия в секционных праздниках Разума²) и приветствовал доклады Дюмона и Лекинио с сообщениями об успехах их анти-христианской деятельности³). А 14 фримера никто иной, как робес-

¹⁾ Это имело место, например, в заседании 10 фримера и некоторых других.

²⁾ Заседание 10 фримера.

³⁾ Заседание 14 фримера.

пьерист Кутон рассказывал о разложении «шарлатанства попов» на юго-востоке Франции и демонстрировал с кафедры привезенную им из своей миссии «чудотворную» реликвию. Но это были лишь последние судороги прошлого и уже следующий день, 15 фримера (5 декабря) нанес культу Разума чрезвычайно чувствительный удар.

В этот день Конвент принял предложенный ему Робеспьером от имени Комитета Общественного Спасения «Ответ Национального Конвента на манифести королей, обединившихся против Республики». В этом «Ответе», Конвент, обращаясь к народам всего мира, между прочим говорил:

«Ваши повелители говорят вам, что французская нация преследует все религии и что она заменила культ божества культом нескольких людей. Они изображают нас в ваших глазах, как народ язычников или безумцев. Они лгут. Французский народ и его представители уважают свободу всех культов и не преследуют ни один из них. Они чтут добродетель мучеников человечества, но делают это без аффектации и обожествления; они ненавидят нетерпимость и преследования, какими бы предлогами они не покрывались; они осуждают экстравагантности и философию (т.-е. атеизм Я. М.) также, как и безумия суеверия и преступления фанатизма. Ваши тираны вменяют нам в вину некоторые неправильности, неизбежные при грозах великой революции; они вменяют нам в вину следствия их собственных интриг и действия их эмиссаров».

Как ни важна эта декларация, несравненно важнее однако были события, происшедшие в дальнейшей части конвентского заседания 15 фримера. Вот что рассказывает об этом отчет о заседании Конвента:

«Барер произносит речь, целью которой является уничтожить иностранное влияние на наши внутренние дела, подавить фанатиков и успокоить граждан касательно религиозных иден. В заключение этой речи он предлагает проект декрета, целью которого является запретить установленным властям и вооруженной силе вмешиваться в религиозные дела. Но это, однако, отнюдь не должно означать отмены мер общей безопасности в отношении неприсяжных священников и фанатиков, которые, под предлогом религии, станут возбуждать в республике беспорядки. Кроме того, целью этого декрета должно быть предложить добрым гражданам оставить в стороне религиозные мнения и думать лишь о спасении отечества.

«Некоторые члены Конвента требуют перехода к порядку дня, мотивируя это тем, что вопрос уже разрешен Декларацией прав.

«После некоторых споров, Национальный Конвент передает доклад Барера и предложенные им мероприятия на новое рассмотрение Комитета Общественного Спасения».

Однако, не взирая на это постановление, в конце того же заседания 15 фримера поднявшийся на кафедру Робеспьер еще раз напомнил, что целью врагов Франции является «разбудить фанатизм в тех местах, где он нашел себе последнее пристанище, и вооружить людей, которые, не будучи плохими гражданами,

привязаны к своим религиозным убеждениям и настроены против тех, кто исповедует иные взгляды».

«И цели эти,—продолжал Робеспьер,—близки к осуществлению. Существуют коммуны, которые не являются фанатичными, но где, тем не менее, находят плохим, что власти или вооруженная сила предписывают покидать храмы и арестуют служителей культа только потому, что они носят это звание. Недовольны даже люди, которые первыми принесли нам церковные ценности. Они говорят, что стремясь к миру, уступили лишь своему первому влечению. Я вовсе не хочу сказать, что эти коммуны менее привязаны к свободе, чем к своему культу, но факт тот, что они недовольны.

«Наши враги, вызывая это яростное нападение на католический культ, задались двойной целью. С одной стороны, они хотят усилить Вандею, отделить от французской нации все другие народы и воспользоваться философией для того, чтобы унижить свободу. С другой стороны, они стремятся нарушить наше внутреннее спокойствие и усилить таким образом коалицию наших врагов...

«Что же должны мы при таких условиях предпринять? Рассуждать не как философы, а как политические законодатели и как мудрые и просвещенные люди. Вы должны защищать патриотов против их врагов; вы должны указывать им на расставленные им ловушки и остерегаться беспокоить тех, кто обмануты злонамеренными инсинуациями. Наконец, вы должны защитить тех, кто стремится к культу, не опасному для общества. Кроме того, вы должны помешать тем экстравагантностям и безумствам, которые совпадают с планами заговорщиков; уклоны от патриотизма должны быть исправлены, но делать это следует с осторожностью, уместной в отношении впавших на миг в заблуждение друзей свободы...

«Проект Комитета Общественного Спасения (предложенный Барером. Я. М.) исходит из этих соображений. Обдумав его, вы почувствуете необходимость принять предлагаемые нами вам меры; если же вы этого не сделаете, то не сомневайтесь, что эмиссары иностранных дворов используют ваше молчание для осуществления своих преступных замыслов».

Робеспьер был поддержан Камбоном. «Вы были свидетелями,—говорил он,—эволюции, произошедшей в религиозных взглядах и вы заявили: Мы не будем вмешиваться в это дело; народ сам себе хозяин. Поэтому вы воздержались от выявления своего взгляда по этому поводу; так позовите ли вы сегодня, допустите ли вы, чтобы это делали другие, конституированные в виде установленных властей? Нет, ибо это значило бы унизить национальное представительство. Вы могли, в качестве представителей народа, выявить его мнение, но вы этого не сделали; никакая же другая власть не имеет этого права. Поэтому запретите установленным властям, коммунам и кому бы то ни было принимать какие бы то ни было решения касательно всего, связанного с религией.

«Однако, революция связана с одним фактом, который вы должны принять во внимание: это то, что касается неприсяжных священников. Само собой разумеется, что пока продолжается революция, они не могут, без опасности для таковой, исполнять обя-

занностей своего культа. Это исключение должно быть оговорено, а во всем остальном я не вижу никакого неудобства в принятии принципов, установленных Робеспьером».

По предложению Филиппа, в виду позднего времени, дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено на следующий день, 16 фримера, когда Конвент уже без прений принял следующий знаменательный декрет:

«Национальный Конвент, принимая во внимание то, чего требуют от него провозглашенные им от имени французского народа принципы и стремление к поддержанию общественного спокойствия:

1. Запрещает всякие насилия или угрозы, противные свободе культов.

2. Надзор установленных властей и действия государственной власти должны быть в этом отношении ограничены мерами полицейского надзора и охраны общественной безопасности, соответствующими сфере их обязанностей.

3. Предшествующими статьями Конвент не имеет в виду ни отмены репрессивных законов, ни прекращения применения мер общественного спасения, направленных против непокорных или мятежных священников, а равно и против всех тех, кто стали бы злоупотреблять маской религии для борьбы с делом свободы. Конвент точно также не имеет в виду давать кому бы то ни было каких бы то ни было поводов беспокоить патриотизм и замедлять развитие общественного духа.

«Конвент именем отечества призывает всех добрых граждан воздерживаться от всяких споров, носящих богословский характер или чуждых великим интересам французского народа, и всеми своими силами принять участие в борьбе за триумф Республики и поражение ее врагов.

«Декретированный Национальным Конвентом 15 фримера адрес в форме ответа на манифести об'единившихся против Республики королей, будет перепечатан заботами администрации дистриктов и распространен и расклеен на всем протяжении дистриктов. Кроме того, этот адрес, а равно и настоящий декрет, будут зачитаны в ближайшие декады муниципальными чиновниками или председателями секций в общих собраниях коммун и секций».

Через два дня, 18 фримера, Национальный Конвент, по предложению Комитета Общественного Спасения, оглашенному Барером, внес в декрет 16 фримера небольшую поправку: ст. 3 этого декрета была дополнена указанием на то, что Конвент не имеет в виду осуждать также и изданных конвентскими комиссарами постановлений. Однако, было бы неправильно рассматривать, как это делает Олар, эту оговорку, как шаг назад и сужение смысла декрета 16 фримера: целью ее являлось вовсе не такое сужение, а лишь поддержание авторитета конвентских комиссаров, издавших до 16 фримера распоряжения, противоречащие смыслу декрета этого дня. Без поправки 18 фримера, декрет 16 фримера был бы неизбежно понят, как осуждение Дюмона, Лекинио, Леньельо и т. д. и само собой разумеется, что в обстановке тогдашней обостренной классовой борьбы такое понимание могло быть чревато самыми печальными последствиями для революции.

Такое толкование поправки 18 фримера подтверждается циркуляром, разосланным Комитетом Общественного Спасения 4 нивоза (24 декабря) всем конвентским комиссарам; из этого циркуляра явствует, что Комитет Общественного Спасения вполне сочувствовал декрету 16 фримера и отнюдь не имел в виду, как это думают некоторые историки, его сабotировать. Вот что в этом циркуляре, между прочим, говорится:

«...Тираны возобновили свои проказы. Они заключили союз со священниками; фанатизм является для них последним убежищем; это указывает на их бессилие.

«Они слабы, поэтому, что действуют путем обмана; мы просвещаем народ, и в этом наша сила.

«У них—обедни и рабы; на нашей стороне—штыки и свободные люди.

«Но есть меры, которые должны быть приняты во имя гуманности и братства по отношению к тем честным и добрым людям, которые еще не познали света истины...

«Нет никаких сомнений в торжестве истины над обманом; ускорим его наступление, но не надо действовать через чур стремительно, как бы неказалось обидно, что нужно еще бороться против тех убеждений, которые здравый смысл должен был бы смести вместе с обломками трона...

«...Когда дело идет о религиозных убеждениях, то насилие не убеждает, а ожесточает.

«При быстром переходе от рабства к свободе, только немногие целиком сбросили с себя гнет предрассудков, внущенных с детства. Фанатизм господствовал над ними с самой колыбели; он видоизменил их органы, но не мог уничтожить в сердцах честных людей чувство, заложенное самой природой — стремление к просвещению.

«Человека, который заблуждается искренно, можно легко узнать; он с жадностью хватается за свет, когда последний соответствует размерам его слабых сил.

«Тебе поручается эта почетная миссия, которую древние вверяли своим благодетельным богам; исполняй ее с усердием. Иди с факелом в одной руке, просвещай тех, кто еще ослеплен старыми предрассудками; с мечом в другой руке — карай тех предателей, которые проповедуют о небе только для того, чтобы легче установить свое господство на земле».

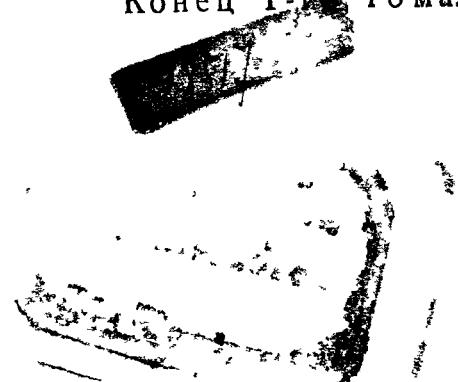
«Будь терпелив по отношению к первым и устрашай всех заговорщиков». (Курсив наш — Я. М.)¹⁾.

Нельзя конечно отрицать, что циркуляр этот говорит о религии в значительно более резком тоне, чем говорил о ней Робеспьер и объяснения этого факта следует искать в том обстоятельстве, что циркуляр 4 нивоза был подписан лишь двумя членами Комитета Общественного Спасения — Колло д'Эрбуа и

¹⁾ Пользуемся русским переводом, содержащимся в хрестоматии под редакцией Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

Билло-Варенном, т. е. как раз теми членами этого Комитета, которые, как известно, были вождями течения монтаньярской партии, промежуточного между робеспьевистами и эбергистами. Однако, не взирая на это, практическая цель циркуляра 4 низвала — мягкость в отношении заблуждающихся и решительная борьба с пользующимися предлогом религии в интересах контрреволюции—целиком совпадает с тем, чего требовал Робеспьер в своих речах 1 и 15 фримера. Поэтому мы считаем себя вправе утверждать, что в декабре 1793 г. весь Комитет Общественного Спасения стоял в вопросах религиозной политики на той же самой точке зрения, что и «неподкупный» и следствием этого должно было быть его стремление к неуклонному проведению принципов декрета 16 фримера. Таким образом, Культ Разума, уже ранее потерпевший поражение на практике, был теперь осужден и в теории и оказывался таким образом окончательно приговоренным к смерти. Однако, смерть эта была тяжелой и мучительной и в течение недель и месяцев, следующих за декретом 16 фримера, мы присутствуем при целом ряде попыток оживления умирающего Культа Разума¹⁾.

Конец 1-го тома.

1) В виду того, что в силу некоторых обстоятельств чисто технического характера, автору удалось ознакомиться с корректурой настоящей работы тогда, когда ее уже нельзя было исправить, он считает своим долгом оговорить ниже следующее.

Необходимость сокращения размеров и так сильно распухшей книги вызвала необходимость устречания значительной части первоначально сделанных автором ссылок на источники. Поэтому автор предупреждает всех читателей, которые бы заинтересовались вопросом об исользованных источниках, что источники эти нижеследующие

1. Для изложения парламентских пречий автор пользовался „Archives parlementaires“ (до 20 брюмера II года) и „Mon tch'om“ (для позднейшего времени).

2. Для истории Якобинского клуба автор пользовался сборником Олара „La Societe des Jacobins“

3 Переписка конвентских комиссаров с Комитетом Общественного Спасения и Конвентом цитируется на основании 1 тома „Recueil des actes du Comite de Salut Public“ того же Олара

4 Ссылки на заседания Парижской Коммуны делаются на основании „Monteur“¹

В тех случаях, когда автор пользовался какими либо иными источниками, это обязательно специально оговорено в примечаниях.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 8, строка 15 снизу. Вместо 1876 г. Следует читать 1786 г.

Стр. 53, строка 25 снизу. Вместо „наши“ следует читать „нации“.

Стр. 111. Номер главы вместо „VI“ следует читать „IV“.

Стр. 116, строки 9 и 18 сверху. Вместо „Барнаво“ следует читать „Барнава“.

Стр. 131, строка 20 снизу. Вместо „политики“ следует читать „полиции“.

Стр. 135, строка 25 снизу. Вместо „вознаграждения“ следует читать „возражения“.

Стр. 136, строка снизу. После слова „отправиться“ пропущены следующие абзацы.

Ему будет тут же выдан паспорт с указанием его декларации, его имени и фамилии, дороги, по которой он поедет и срока, в течение которого он должен покинуть королевство.

Ст. 3. По истечении 15-дневного срока, неприсяжные церковники, неподчинившиеся указанным выше распоряжениям, будут высланы во французскую Гвиану. Директории дистриктов подвергнут их задержанию и отправят по этапу к ближайшим морским портам, которые будут указаны Временным Исполнительным Советом. Этот последний сделает распоряжения, необходимые для снаряжения и снабжения кораблей, предназначенных для отправки вышеуказанных церковников.

Ст. 4. Высылаемые таким образом церковники, а также и те, кто во исполнение настоящего декрета покидают Францию добровольно, будут, в случае если они не имеют доходов или пенсии, получать на содержание во время пути по три ливра на каждые десять лье расстояния до места их отправки или до границы государства. Эти расходы будут авансироваться кассами дистриктов и оплачиваться государством из казны.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий том «Французской революции и церкви», посвященный эпохе 1794 — 1801 гг., составляет непосредственное продолжение тома I, охватывающего период 1789 — 1793 гг. Читатели вероятно заметят, что в то время, как эпохе 1789 — 1793 гг. посвящено в общей сложности (т. е. в обоих томах) свыше трех четвертей всей работы, на долю периода 1794 — 1801 гг. приходится менее одной четверти. Такое распределение материала отнюдь не является случайностью: автор исходил из твердого убеждения, что при анализе религиозной истории Французской революции основной как теоретический, так и практический интерес представляет ее восходящий период (т. е. период до 9 термидора), и поэтому изложение последующих этапов революции рассматривалось им скорее как заключение, чем как полноправная часть работы.

В целях сокращения объема этого тома автор избегает часто повторяющихся ссылок на однородные источники. Поэтому он предупреждает, что, кроме тех источников, ссылки на которые читатель найдет в подстрочных примечаниях, он пользовался следующими источниками:

1. Парламентские прения и законы цитируются на основании «Монитера» (*«Moniteur», reimpression*) ¹.

2. Отчеты о заседаниях якобинского клуба цитируются по изданию Олара *«La Société des Jacobins»*.

3. Переписка конвентских комиссаров с Конвентом и Комитетом общественного спасения заимствована из *«Recueil des actes du Comité de Salut Public»* в издании Олара.

4. Полицейские донесения и газетные статьи эпохи термидорианской реакции и Директории цитируются по оларовскому изданию *«Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire»*.

В тех случаях, когда в основу соответствующих цитат положены какие-либо иные источники, это специально оговорено в примечаниях.

Ленинград, 15 сентября 1930 г.

Автор.

¹ Цитируя название французских книг, мы в первый раз будем давать их название по-французски, а затем — в русском переводе.

Глава I.

КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА.

I

Каким образом был осуществлен на практике декрет 16—18 фримера о свободе культов? Для ответа на этот вопрос мы имеем чрезвычайно богатый документальный материал в виде донесений конвентских комиссаров, уже неоднократно использованных нами в первом томе настоящей работы. К анализу этого материала сейчас и обратимся.

Некоторые из конвентских комиссаров немедленно после издания декрета 16—18 фримера сделали все возможное для его неуклонного проведения в жизнь. Типичный пример подобного рода мы видим в донесении Комитету общественного спасения конвентского комиссара в департаменте Ло-Паганеля, посланном из Тулузы 24 фримера.

Паганель начинает свое донесение с сообщения о том, что в речи, произнесенной им при открытии в Тулузе храма Разума, он развивал мысль об опасностях, связанных с проведением «системы преувеличений — этой последней надежды наших врагов». «Подобно вам, — продолжает затем Паганель, — я понял, что скрывающаяся под личиной патриотизма аристократия, издавая громкие крики и пользуясь аппаратом угнетения, требовала закрытия церквей, дабы разгневать невежество, зажечь пламя фанатизма и возбудить ненависть сельских жителей против разума, философии и даже самой свободы... Якобинский клуб Тулузы удержался от этих эксцессов; провозглашенное нашей конституцией право граждан было признано и строжайшим образом соблюдено рядом народных обществ, на которые контрреволюционные сторонники преувеличений пытались оказать свое роковое влияние. Вам, граждане-коллеги, удалось разорвать нити заговора, ловко подготовленного подьям Питтом и всеми врагами нашей свободы. Я горжусь тем, что то, что вы сделали для всей Республики, я смело сделал для этой части юга Франции. Я напрямик разоблачил преступления духовенства и вместе с тем самым бережным образом щадил религиозные предрассудки. Свобода культов является тем принципом, который мы прежде всего осветили в храме Разума,

и я полагаю, что эта верность истинным принципам позволила нам расстроить планы многих злонамеренных и подготовить умы к восприятию истин философии. Искусство контрреволюционеров заключается в преувеличении всех диктуемых обстоятельствами мер».

Если тон этого донесения Паганеля целиком соответствует тону всех фримерских речей Робеспьера, то почти то же самое можно сказать и о письме конвентского комиссара при арденнской армии Массье, адресованном Комитету общественного спасения из Бар сюр Орнэн 8 нивоза.

«Фанатичные священники, — читаем мы в этом письме, — почти повсеместно вызывают посредством своих интриг открытие церквей, которые были ранее почти совершенно безболезненно закрыты. Целиком разделяя по этому предмету мудрые воззрения Комитета общественного спасения, я довольствуюсь тем, что, пользуясь трибуной народных обществ, предостерегаю добный народ против махинаций обманывающих его ловких лицемеров. При этом я особенно подчеркиваю, что в намерения Национального Конвента никогда не входило ни вмешиваться в вопросы культа, ни мешать кому бы то ни было в исповедании его религиозных воззрений... Здесь, как и в других местах, я оставил церкви открытыми и предоставил фанатикам продолжать их фокусы, ибо я твердо уверен, что время и разум справляются с ними без всяких потрясений».

Но если таким образом донесения Паганеля и Массье свидетельствуют о том, что некоторые конвентские комиссары сразу же по получении декрета 16—18 фримера стали неуклонным образом осуществлять все его предписания, то вместе с тем нельзя не отметить, что так было далеко не повсюду. Наряду с цитированными донесениями мы имеем очень значительное количество донесений прямо противоположного характера.

Возьмем прежде всего уже хорошо нам известного Андре Дюмона. Вот что он пишет Комитету общественного спасения 24 фримера из Амьена:

«Граждане Монтаня (бывшего Сен-Валери на Сомме), освобожденные от всех предрассудков, унижающих человеческое существование, ненавидят мошенничества церковников и отдают почести истине и разуму. Не ограничиваясь сожжением всех игрушек, именуемых священными, они ходатайствуют, чтобы помещение, служившее ареной действий священников и фанатиков, было бы немедленно превращено в рынок. Я не счел себя вправе отказать в этом ходатайстве и постановил, что, если вы это разрешите, бывшая церковь будет служить отныне хлебным рынком. Таким образом в случае вашего согласия граждане Монтани будут получать продовольствие из того самого места, где до сих пор им приходилось лишь вкушать яд суеверия, фанатизма и глупости».

Если в донесении Дюмона речь идет всего лишь об отдельном случае закрытия церкви, да и то произведенном под условием получения на это согласия Комитета общественного спасения, то гораздо более широкую программу действий, и притом действий, решительно отличающихся от тех, которые намечались всем смыслом декрета 16—18 фримера, встречаем мы в письме Комитету общественного спасения, написанном 6 нивоза (26 декабря 1793 г.) из города Юссель конвентским комиссаром Лано. Обрисовав в этом письме контрреволюционные махинации духовенства, Лано затем продолжает:

«Применим твердость, террор и преследования, и агония духовенства совершится без всякой опасности. Я заметил, что преданные друзья конституционного духовенства распускают тревожные слухи, дабы таким путем волновать население, и что они, не забывая пустить в ход нужное количество революционных фраз, говорят об опасности любой атаки на религиозные предрассудки и исполнения законов, касающихся снятия внешних знаков господствующего культа. Но я решил арестовать этих зловещих птиц и спокойствие мало-помалу восстанавливается, а народ сам закрывает церкви и приносит мне служившие для потешения его невежества игрушки» (курсив наш. Я. М.).

Итак, не довольствуясь открытым нарушением предписаний декрета 16—18 фримера, Лано почти открыто издевается над его авторами, намекая, что утверждение об опасности любой атаки на религиозные предрассудки исходит от «преданных друзей конституционного духовенства»! Столь же открыто сопротивление директивам Конвента и Комитета общественного спасения находим мы в письме, отправленном этому Комитету конвентским комиссаром Шатонеф-Рандоном из Сен-Флура 7 нивоза:

«Граждане-коллеги!

«Едва только я узнал о беспорядках, возникших в Рошфоре, близ Клермона, как тотчас же отправился туда. Энергия монтаньеров Пюи-де-Дома справилась с этими волнениями и будет справляться с ними и впредь, но она не сможет помешать действиям фанатизма в наших департаментах, где кюре в свое время почти поголовно присягнули, если только эти кюре не будут немедленно изгнаны. Это особенно относится к Пюи-де-Дому, Канталю и Ардешу. Вот почему в отношении этого духовенства необходимо еще более бдительное наблюдение, нежели то, которое было применено Учредительным Собранием в отношении принесших столько вреда неприсяжных священников.

«Веротерпимость, дорогие коллеги, является одной из наиболее прекрасных черт республиканской конституции, но она не должна относиться к этим настоящим шарлатанам, которые, обманывая людей посредством своего сана, являются более опасными врагами просвещения народа, или, говоря точнее, его стремления к просвещению, чем все армии коалиции. Когда я явился в среду народа, чтобы посреди величайших опасностей и сильнейшего

нами, разъяснить ему эти истины, я увидел, что он тотчас же успокоился, едва только услышал рассуждения, преподнесенные мною ему от имени Национального Конвента. Но едва только народ оказывается предоставленным самому себе и возвращается в свои хижины, как попы и их прихвостни немедленно уничтожают все результаты убеждения. При этих условиях я пришел к выводу, что арест всех не сложивших своего сана священников производит самое благоприятное действие и что народ при этом чувствует себя освобожденным от величайшей тяжести... Предлагаю вам декретировать, что сложившие свой сан священники не смогут получать своего содержания иначе, как удалившись от места своего постоянного жительства на 4, 6 и 10 лье. Я намерен назначить в каждом кантоне комиссаров для чистки наблюдательных комитетов, большей частью составленных из их прихвостней, а также для бдительного наблюдения за этими последними. А пока что им не следует предоставлять возможности собираться, и поэтому я разрушаю колокольни и снимаю колокола» (курсив наш. Я. М.).

От Лано и Шатонеф-Рандона не отстает и уже хорошо известный нам Карье. Вот что он пишет Комитету общественного спасения в своем донесении из Нанта от 12 нивоза (1 января 1794 г.):

«...Что касается до внутренней Бретани, в которую я включаю и Лориан, то следовало бы, чтобы там совершил революционный обезд здорово крепкий депутат, сопровождаемый 1200 или 1500 кавалеристов. Он начал бы с революционирования крупных коммун, ранее называвшихся городами; затем, обезжая сельские местности, он под видом кс времени приключившихся несчастных случаев скаж бы все церкви, задал бы хорошую трепку все еще имеющимся там неприсяжным священникам, увел бы вслед за собой почти столь же опасных священников конституционных и, коротко говоря, очистил бы деревни от всех бывших дворян и попов, сеющих яд аристократизма и фанатизма и поддерживающих намерения бунтовщиков. Предоставленные самим себе крестьяне, оставшись без церквей, без набата, без попов и без «господ», не станут помышлять ни о чем, кроме как об обработке своих полей и уплате налогов» (курсив наш. Я. М.).

При таком характере донесений значительного числа конвентских комиссаров мы имеем все основания умозаключить, что получение ими известия о декрете 16—18 фримера не оказалось никакого влияния на их действия. И действительно, многие комиссары либо открыто нарушают этот декрет, либо под видом его исполнения принимают меры, диаметрально противоположные намерениям его авторов. Так, например Лекинио под предлогом «обеспечения исполнения декрета о свободе культов во всей его полноте» издал 1 нивоза регламент для департаментов Вандеи, двух Севров и Нижней Шаранты, в силу которого запрещалась пропо-

весь какого бы то ни было культа. В частности, вот что гласила важнейшая статья этого регламента:

«Принимая во внимание, что бывшие служители культов возводят свою привычку к обману в долг и что их речи не могут не быть проникнуты их суеверными и злонамеренными принципами, категорически запрещается всем служителям или бывшим служителям каких бы то ни было культов проповедывать, писать или преподавать мораль. Нарушители этого постановления будут рассматриваться как подозрительные и, как таковые, подлежат немедленному аресту».

Обнаруженное многими конвентскими комиссарами решительное нежелание подчиниться декрету 16 фримера чрезвычайно ярко сказалось во время рождественских праздников 1793 г., которые многие комиссары использовали для продолжения своей дехристианизаторской политики. Вот что мы, например читаем в донесении Андре Дюмона из Булони сюр Мер от 8 нивоза (28 декабря):

«Знаменитая, непонятная и пресвятая черная богородица, которую не удалось скечь англичанам (во время Столетней войны. Я. М.), была во время красивейшего праздника, какой себе только можно представить, брошена в костер и обращена в пепел без какого бы то ни было чуда. Все, исключая арестованных, жители Булони без различия пола и возраста кричали: «Да здравствует Гора!» и клялись в вечном единении друг с другом. Радость была столь велика, что вся ночь прошла в балах, в которых участвовали все граждане».

О подобном же празднике сообщает Конвенту того же 8 нивоза конвентский комиссар в Туре Гимберто:

«В этой коммуне все было приготовлено для совершения трех рождественских полуночных месс, когда на эти три бывшие церкви неожиданно напали санкюлоты обоего пола и всех возрастов и предали аутодафе все реликвии и изображения мнимых апостолов суеверия, пропели патриотические гимны и протанцовали карманьюлу, сопровождая все это неумолкавшими возгласами: «Да здравствует Республика!», «Да здравствует Гора!», «Да здравствуют разум и философия!»

Аналогичные события описываются и в донесении, посланном 11 нивоза (31 декабря) из Шербурга Комитету общественного спасения конвентским комиссаром Буре. В этом донесении Буре, рассказав об имевшем место в Шербурге празднике Разума, затем продолжает:

«Этот храм был до сих пор юрганен нахождением в нем святых идолов; но вчера патриоты выбросили эти изображения обмана и символы феодализма, на сохранении которых настаивали подлые служители дурацкого римского культа. Эти грубые изображения, равно как и защищающие их священники, будут скоро сброшены из их амбразур и с их постаментов».

Но как ни важны и ни типичны все цитированные донесения, в них все же речь идет лишь об *отдельных и частных случаях* посягательств конвентских комиссаров на нарушение декретированного Конвентом 16 фримера принципа свободы культов. Поэтому несравненно важнее следующее донесение Комитету общественного спасения, посланное 20 нивоза из Бордо конвентским комиссаром Тальеном:

«...Общественный дух растет здесь с каждым днем. Свобода и Разум обратили во прах фанатизм и суеверие. Все церкви закрыты, и это сделано по ходатайству самого народа. Народное общество, храм Разума и заседания установленных властей — вот единственныи церкви, которые народ посещает и в которых он отныне хочет учиться той морали, которая обеспечит *его счастье*» (курсив наш. Я. М.).

Это донесение Тальена отнюдь не может быть рассматриваемо как исключение. Так, конвентские комиссары в Кальвадосе и Ламанше — Буре и Фреманже — предписали 30 нивоза закрытие всех местных церквей, и когда мера эта вызвала кое-где сопротивление, то Фреманже стал разъезжать по деревням и следить за неукоснительным исполнением своего распоряжения. «Несколько женщин пролили по этому поводу слезы, — пишет Фреманже в своем донесении в Париж, — но все здравомыслящие люди только смеялись над ними... Еще несколько таких патриотических поездок, и пламя фанатизма погаснет перед светочем Разума».

Мы не будем далее умножать наших и так достаточно многочисленных примеров. Все сказанное позволяет с очевидностью констатировать, что если в некоторых местностях Франции декрет 16—18 фримера получил немедленное осуществление, то наряду с ними было и множество таких, где декрет этот не оказал никакого воздействия как на подвизавшихся там конвентских комиссаров, так и на местные народные общества и «установленные власти», и где в силу этого дехристианизация продолжалась и долго спустя после 16 фримера. Чем же объяснить это явление, столь противоречащее на первый взгляд всему тому, что мы знаем о твердой власти централизованного якобинского правительства?

Первый ответ, который естественно приходит в голову, это то, что не осуществление на местах предписаний декрета 16 фримера могло быть результатом сопротивления эбертистов той политике робеспьеристов и дантонистов, которая, как мы в свое время видели, привела к изданию этого декрета. Однако более вдумчивое рассмотрение вопроса заставляет сразу же отбросить это объяснение. Во-первых, если Карье и Лано могут быть причислены хотя и не к эбертистам в прямом смысле этого слова, то во всяком случае к левым монтаньярам, то Тальен и Бурэ стояли ближе всего к дантонистам, а Франкастель — к робеспьеристам¹. А во-вторых,

¹ Об этих членах Конвента см. А. Kuscinski — «Dictionnaire des Conventionnels».

и это главное, принятие Конвентом декрета 16 фримера вызвало, как известно, не сопротивление эбертистов и шометтистов, а их полную растерянность и даже панику. Так, руководимая Шометтом Парижская Коммуна, вопреки тому, что говорит об этом Олар¹, уже 5 фримера, т. е. задолго до декрета о свободе культов, решительно забила отбой и совершила в религиозном вопросе самое крутое отступление, которое себе только можно представить². Что же касается до Эбера, то о том состоянии, в котором он в эти дни находился, может лучше всего дать представление история прохождения им 21 фримера чистки в якобинском клубе. Отвечая на выставленное против него Бентаболем обвинение в атеизме, Эбер заявил:

«...Меня обвиняют в атеизме, но я решительно отвергаю это обвинение... Я заявляю, что я советовал жителям деревень читать евангелие. Эту книгу морали я считаю превосходной и нахожу, что достаточно следовать всем ее принципам, чтобы стать прекрасным якобинцем. Христос представляется мне основателем народных обществ».

При таком положении вещей, само собой разумеется, что, пытаясь объяснить неприменение в значительной части Франции конвентского декрета 16 фримера о свободе культов, приходится сразу же отвергнуть мысль, что такое неприменение могло быть результатом давления эбертистов. Поэтому не остается ничего иного, как искать какого-то другого объяснения, и ключ к этому объяснению дается донесениями, посланными Комитету общественного спасения 27 фримера и 7 нивоза из Периге конвентским комиссаром Ру-Фазильяком и 12 нивоза из Оха комиссаром Дартигоетом.

В своем донесении от 27 фримера Ру-Фазильяк между прочим сообщает:

«...Что касается до религиозных предрассудков, то развитие общественного духа происходит здесь крайне медленно. Фанатичные и жадные священники, оставшиеся в пределах своих курий, приносят гораздо больше вреда, чем принесли пользы отрекшиеся от своего сана их более лицемерные коллеги. Некоторые из этих последних заявили, что, несмотря на свое отречение, они считают, что остаются облечеными своим прежним саном. Некоторые приходы требуют возвращения их кюре. Оставшиеся при исполнении своих обязанностей кюре привлекают на свои воскресные мессы легковерных жителей тех деревень, в которых нет более священников, и при *принципе свободы культов* этому трудно открыто противиться. Я в этом отношении держусь линии поведения, которая мне кажется наиболее подобающей моему положению: я сохраняю полную пассивность и лишь пристально за всем наблюдаю,

¹ Олар — «Культ Разума и культ Верховного Существа», стр. 150 — 151.

² Подробнее об этом см. нашу книгу «Анаксагор Шометт», выпущенную издательством «Безбожник».

готовый покарать первого же мошенника или фанатика, который попробует вызвать хотя бы малейший беспорядок. Но мне кажется, что, поскольку не все священники отреклись, было бы лучше, если бы не отрекся ни один из них» (курсив наш. Я. М.).

7 нивоза (27 декабря) Ру-Фазильяк пишет Комитету общественного спасения из того же Периге:

«В моем последнем письме я указывал, что было бы лучше, если бы в этом департаменте от своего сана отказались либо все кюре, либо ни один из них. Сегодня я говорю то же самое, но в других выражениях: я очень сожалею, что новый декрет о свободе культов не вышел месяцем ранее или месяцем позднее. Если бы он вышел месяцем ранее, то ни один священник не отказался бы здесь от своей должности; если бы он вышел месяцем позднее, он уже не застал бы ни одного сохранившего свой сан священника. При нынешнем же положении вещей, в то время как одна часть приходов оказалась без кюре, другая успела сохранить таковых. Отсюда фанатичная зависть между теми и другими; что же касается до отрекшихся и не отрекшихся священников, то ненависть их друг к другу почти что равняется ненависти между священниками конституционными и антиконституционными. Те, кто медлил с отречением, теперь празднуют победу; напротив того, те, кто отрекся, считают, что они попали впросак. Не решаясь после своего торжественного отречения вступить в исполнение своих прежних обязанностей по собственной инициативе, они всячески интригуют, чтобы добиться постановлений своих бывших приходов об их возвращении. Следствием этого являются столкновения между этими приходами и муниципалитетами. Новый закон, установивший свободу всех культов, еще не получен здесь официальным путем, но слух о нем распространился по деревням с быстротой молнии. Земледельцы открыто требуют его исполнения и сопровождают свое требование оскорблениеми и угрозами по адресу муниципалитетов. Поскольку же аристократия использует в своих целях всякое движение, которым она надеется поживиться, народ оказывается обманутым до того, что он требует в качестве кюре арестованных неприсяжных священников...».

«Нынешнее время года, в частности рождественские праздники и приближение крещения, сильно облегчают возможность беспорядков, зародыш которых посеян, повидимому, во многих коммунах этого департамента. Невзирая на плохую погоду и ужасное состояние дорог, жители тех деревень, в которых нет более священников, совершили путешествие в три и более лье, чтобы присутствовать на ночной службе в церкви соседних приходов. Города, правда, далеки от этого духа суеверия, но все же, даже в самом Периге, когда мы захотели подготовить помещение, пригодное для собраний граждан в дни декады, рабочие отказались работать в день рождества, и заставить их снимать в этот день находившиеся в церкви деревянные изображения святых оказалось делом очень не легким...» (курсив наш. Я. М.).

К этому донесению Ру-Фазильяка чрезвычайно близко подходит следующее письмо, написанное Комитету общественного спасения конвентским комиссаром Дартигоэйтром 12 нивоза из города Оха:

«...Я прибыл сюда только вчера, но считаю своим долгом сразу же уведомить Комитет о политическом положении этого департамента, дабы он мог сообщить мне, какой линии поведения я должен держаться.

«Пример Гобеля встретил в департаменте Жер самый широкий отклик. Множество священников отреклись от своего сана, и целый ряд коммун отказался от публичного совершения обрядов культа. Казалось, что успехи разума здесь подобны быстрому потоку, которому ничто не в силах противостоять. Священники, увлеченные общим примером и успокоенные декретом (2 фрипара. Я. М.), установившим для них 800 ливров пенсии, действовали как будто бы вполне искренно.

«Многие пламенные патриоты, несколько народных обществ и некоторые дистрикты захотели придать этому движению всеобщий характер. Следствием этого было принуждение к отречению нескольких священников и закрытие церквей. А в народном обществе Лектура дошли даже до того, что потребовали отречения всех его членов от католической религии. Я узнал об этих действиях, столь же преувеличенных, сколь и неполитичных, и по своему возвращении из департамента Ланд осудил их и таким образом направил общественное мнение по более здравому пути.

«Но во время моего пребывания в Байонне положение вещей ухудшилось. Мне сообщают, что многие коммуны требуют возвращения их священников, а в других — священники, ранее отказавшиеся от своих обязанностей, возвращаются к их исполнению, вызывая этим страшный шум и опасные скандалы. В некоторых местах имеют место сборища женщин, требующих свободы культов. Пока что движение это носит чисто местный характер и не представляет еще опасности, но наши аристократы такие ловкие, что, если против этого не принять немедленных мер, последствия могут оказаться весьма тяжелыми.

«Мое положение совершенно критическое: я замечаю, что злонамеренные, ловко использующие каждую возможность, стремятся использовать религию и окунуть нас во все ужасы фанатизма, дабы таким путем возвратить нас к монархии.

«Я полагаю, что священники, вначале уступившие явно выраженной волне народа, теперь исподтишка пытаются обмануть его своими коварными инсинуациями, тем более, что эти эгоистичные, испорченные и вместе с тем дальновидные люди прекрасно понимают всю шаткость своего положения и никогда не любят Республики. Не даром они пропагандировали федерализм и играли большую роль в ужасах, бывших уделом значительной части департаментов. Поэтому крайне опасно дать им возможность снова увеличить свое влияние, но, может быть, и не менее опасно

оказывать им слишком открытое сопротивление. Я не скрою от вас, что возвратившиеся к исполнению своих обязанностей священники, поддерживаемые невежественными людьми и неожиданно сделавшимися богомольными аристократами, вызовут оскорблений, клевету, а иногда, может быть, даже и убийства, разоблачивших их энергичных патриотов. Ибо, по мере того как священники возвращают себе свое влияние, патриоты теряют свой авторитет в глазах легковерного народа, который уговаривают, что энергичные люди являются врагами бога, и эти махинации могут явиться источником очень тяжелых последствий.

«Возвращение ранее отрекшихся священников к исполнению своих обязанностей чревато очень большими опасностями. Имеют ли эти люди право брать обратно свое отречение и под предлогом свободы культов возвращаться к отправлению обязанностей, от которых они ранее отказались?

«Благоволите, граждане-коллеги, указать мне линию, которой я должен держаться. Клубы, установленные власти и наблюдательные комитеты противятся открытию церквей; они считают, что эта мера является реакционной и совершенно неполитичной. Города изгнали священников вполне сознательно, и в них не замечается никакого недовольства; в таком же точно положении находятся и многие сельские коммуны департамента Жер. Но так как не все кюре отреклись, то во многих местах возвращаются к старым взглямам, и это заставляет опасаться, что начавшаяся религиозная революция может быть использована фанатизмом и послужит таким образом на пользу врагов Горы» (курсив наш. Я. М.).

Мы извиняемся перед читателем, что утомили его этими длинными цитатами, но цитаты эти были совершенно необходимы для того, чтобы мотивировать тот ответ на поставленный нами выше вопрос о причинах неисполнения декрета 16 фримера в значительной части Франции, который один только представляется нам правильным. Ответ этот заключается в том, что это неисполнение было результатом не эбертистской и вообще не какой бы то ни было заранее составленной программы, а одних только практических требований, властно диктовавшихся сложившейся к тому времени во многих местностях обстановкой. В самом деле, если, как мы в свое время видели, декрет 16 фримера был не только следствием победы блока дантонистов и робеспьеристов над эбертистами, но и простым констатированием факта полного провала всего дехристианизаторского движения, то вместе с тем, как это ни парадоксально, ликвидация этого движения должна была неизбежно привести к следствиям, почти столь же опасным для революции, как и сама дехристианизация. Ибо, поскольку эта дехристианизация рассматривалась в то время, как одно из проявлений углубления революции, само собой разумеется, что и **ликвидация дехристианизации не могла быть понята иначе, как шаг назад в ходе самой революции**. А так как притаившиеся враги революции

ждали лишь удобного случая для перехода в наступление и были готовы использовать в своих интересах всякий малейший для того повод, то из этого неизбежно вытекало, что, как это глубоко верно констатировали в своих донесениях Ру-Фазильяк и Дартигоейт, применение на практике декрета 16 фримера должно было быть понято населением не как исправление ранее допущенной ошибки, а как движение революции вспять в смысле не только религиозном, но и политическом. Что же удивительного, что при таких условиях не только местные власти, но и весьма далекие от эбертизма конвентские комиссары отказывались исполнять на практике предписания декрета 16 фримера и предпочитали идти по линии наименьшего сопротивления, т. е. продолжать действовать в духе дехристианизации, представлявшейся им наименьшим из возможных при данных обстоятельствах зол?

Каков же был выход из этого заколдованных круга? Попытку ответить на этот вопрос мы находим в обоих цитированных нами выше письмах Ру-Фазильяка: в своем письме 27 фримера он предлагает подкупить попов, «за один экю готовых продать хотя бы саму святую троицу», а в донесении 7 нивоза он рекомендует Конвенту стать на путь прекращения оплаты содержания всех без исключения культов, т. е. иначе говоря — отделения церкви от государства.

В противоположность Ру-Фазильяку, выработавшему определенный план действий и настаивавшему на одобрении такового Комитетом общественного спасения и самим Национальным Конвентом, другие конвентские комиссары были совершенно дезориентированы исключительной сложностью выпавших на их долю трудностей в связи с религиозным вопросом и либо просто плыли по течению, продолжая действовать в духе дехристианизации, либо умоляли Комитет общественного спасения о руководящих указаниях. Так, например в уже цитированном донесении от 12 нивоза, Дартигоейт писал:

«Я уверен в том, что мне удастся расстроить планы злонамеренных, но было бы неразумно оставлять фермент, могущий быть использованным ими впоследствии. Больше всего следует осторегаться полумер, ибо паллиативы бывают часто хуже самой болезни. Благоволите же, умоляю вас об этом, дать мне немедленный ответ и указать мне, как я должен поступать со сложившимися свой сан священниками. Я буквально последую вашему указанию до этому вопросу» (курсив наш. Я. М.).

Такая же точно растерянность чувствуется и в письме, написанном из Седана 11 нивоза (31 декабря) конвентским комиссаром Пфлигером. Выступая в этом письме в качестве горячего сторонника декрета 16 фримера, Пфлигер тем не менее пишет:

«Пусть же Конвент примет решение, но решение ясное и точное, ибо нельзя отрицать, что среди различных законов, изданных по данному вопросу, существует много противоречий или по меньшей мере неясностей. Кроме того законы эти оставляют

столь широкое поле для произвола, что в то время как в одних местах отправление культа происходит совершенно свободно, в других оно преследуется как преступление».

Какую же позицию перед этим нахлынувшим на него градом обращений и запросов занял Комитет общественного спасения? Мы видели в свое время, что этот Комитет в противоположность утверждениям некоторых историков был убежденным сторонником декрета 16 фримера и его энергично поддерживал; поэтому неудивительно, что поведение тех конвентских комиссаров, которые попросту игнорировали этот декрет и продолжали действовать в духе дехристианизации, вызвало с его стороны недвусмысленное осуждение. Вот например что мы читаем в письме, адресованном Комитетом общественного спасения 12 нивоза (1 января 1794 г.) Лекинию:

«Гражданин-коллега!

«Своим декретом 18 фримера Национальный Конвент запретил всем установленным властям меры, противные свободе граждан. Ст. 1 этого декрета гласит: «Запрещаются насилие и меры, противные свободе культов».

«Однако Комитет общественного спасения не нашел этого духа в твоих, сообщенных ему тобой, постановлениях. Ты, повидимому, не осознал, что из всех мнений религиозные мнения всего менее поддаются действию силы.

«Твой опыт должен был бы научить тебя, что преследования в отношении культа могут только усилить фанатизм. Доказательством этой печальной истины служит история всех народов; ведь именно Голгофа привела Христа в Капитолий.

«Тираны и священники находятся в союзе друг с другом; именно путем мученичества надеются они притти к контрреволюции; закрытием церквей они надеются увеличить количество сторонников Вандеи... Если же мы будем осторожны, то царство священников окончится, чтобы никогда более не возродиться, а царство свободы будет вечным» (курсив наш. Я. М.).

Совершенно аналогичные мысли находим мы и в письме Комитета общественного спасения конвентскому комиссару Лефью от 17 нивоза. «Комитет общественного спасения, — читаем мы в этом письме, — не без огорчения прочел, гражданин-коллега, сообщенные тобой подробности событий, имевших место в коммуне Аржан. Крайне печально для философии, что приходится все еще сталкиваться с подобными нелепостями; однако не следует забывать, что есть такие предрассудки, в отношении которых политика требует некоторойдержанности».

«Суеверие подобно человеку, в течение долгого времени погруженному в полную темноту: при резком переходе к свету он ничего не увидит, но полусвет постепенно приучит его к созерцанию яркого дня» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом переписка Комитета общественного спасения с теми конвентскими комиссарами, которые, очутившись

в созданной декретом 16—18 фримера сложной и противоречивой обстановке, пошли по линии наименьшего сопротивления и продолжали действовать в духе дехристианизации, показывает, что поведение этих комиссаров встретило со стороны Комитета вполне твердую, хотя и сдержанную по выражениям, критику, то, что ответил Комитет Дартигоейту и тем его коллегам, которые совершенно потеряли почву под ногами и просто молили о руководстве?

Перед нами письмо Комитета общественного спасения к конвентскому комиссару в Индре, Крезе и Виенне — Инграну, написанное 19 фримера, т.е. сразу же по издании декрета о свободе культов. Вот что мы там находим по интересующему нас вопросу:

«Предоставь религиозным идеям самим по себе разложиться и притти в упадок. Ведь страшные войны, именуемые священными, родились из преследований. Заставляя нас не во-время взяться за оружие философии, наши враги надеялись таким путем втянуть нас в смертельный для нас бой... Доклад, сделанный нашим колледжем Робеспьером от имени Комитета общественного спасения, должен был выяснить тебе эти истины и показать тебе, каким образом эта система связана с маккиавелизмом иностранных держав».

Совершенно ясно, что, даже читая между строк, в этой критике дехристианизации чрезвычайно трудно найти какое бы то ни было руководство для положительной религиозной политики. И если письмо это было написано тогда, когда Комитет общественного спасения еще не знал и не предвидел тех трудностей, которым привело на местах издание декрета 16—18 фримера, то немногим более вразумительным является письмо к конвентским комиссарам в Тюлле-Лано и Бривалю, написанное неделю спустя, а именно 26 фримера.

«Комиссары департамента Коррез, а равно и депутаты этого департамента, сообщают нам, граждане-коллеги, что там имеют место сбирающиеся фанатики или, говоря точнее, граждане, введенных в заблуждение мерзавцами, использовавшими в качестве предлога религиозные мотивы. Вы знаете, граждане-коллеги, каковы наши взгляды в этом отношении, и мы приглашаем вас распространять такие. Их можно формулировать таким образом, чтобы просвещать, но не озлоблять; уговаривать, но не насиливать. Пусть каждый верит во все, что ему угодно, лишь бы его поведение или его заблуждения не нарушили общественного порядка. Безразлично, вызваны ли беспорядки религиозными или какими-нибудь другими причинами; мы стремимся лишь к миру и единению граждан. Одним словом, мы рассматриваем те контрреволюционные беспорядки, которые наши враги стремятся возбудить, лишь как объект общей полиции и мы поручаем вам предотвратить их мерами мудрости и твердости.

«Нам также сообщают о беспокойстве, вызванном слухами о предстоящем уничтожении жалования священников. Вам надлежит, граждане-коллеги, сообщить обеспокоенным этими слухами гражданам, что Конвент еще ничего не решил про этому вопросу и что

таким образом содержание священников пока что сохраняется, в силу чего оплата их составляет обязанность нации, а не коммун» (курсив наш. Я. М.).

Как ясно показывают подчеркнутые места, письмо Комитета общественного спасения 26 фримера к Лано и Бревалю содержало столь же мало конкретных указаний относительно того поведения, которого им надлежало придерживаться в религиозном вопросе, как и письмо 19 фримера к Инграну. После этого проходят еще три недели и грозные опасности, связанные с практическим применением декрета 16—18 фримера, делаются совершенно очевидными. Но становятся ли от этого более четкими и определенными указания, даваемые Комитетом общественного спасения его агентам на местах?

Мы уже приводили письмо этого Комитета к Лефью, датированное 17 нивоза, в котором Комитет осуждал *нарушение* декрета 16 фримера. Но каковы же содержащиеся в этом письме *положительные* указания, которыми Комитет общественного спасения предлагает руководствоваться своему корреспонденту?

«Находясь на месте, тебе легче судить о положении вещей и обстоятельств. Комитет может лишь положиться на твою энергию и осторожность».

И это решительно все. Что называется коротко и неясно!

При такой полной растерянности Комитета общественного спасения, свидетельствующей о том, что сопряженные с проведением декрета 16 фримера трудности застали центральное правительство Франции столь же врасплох, как и местные власти, удивительно ли, что единственным ответом Комитета на слезные мольбы Дартигоэта о руководстве явилось следующее датированное 19 нивоза письмо, которое содержало все, что угодно, но только не руководство:

«Гражданин-коллега!

«Комитет общественного спасения ознакомился с различными постановлениями, приложенными к твоему письму от 4 нивоза. Он может лишь положиться на твою энергию и на опыт, который должен быть результатом твоей привычки и твоего знания местности. Осторожность, которой ты придерживаешься в отношении связанных с культом мер, целиком совпадает с духом и с предписаниями декрета Национального Конвента.

«К сожалению, существуют еще обстоятельства, в силу которых твердость философских принципов должна отступить перед соображениями политики.

«Разум движется иногда медленными шагами, но он никогда не идет вспять.

«Просвещай народ и наказывай обманывающих его негодяев и тех, кто проповедует небо лишь для того, чтобы пожирать землю.

«Жди всего от народа; Разум уже пролил первые лучи своего света; фанатизм поражен в сердце, и то, что теперь происходит,

это лишь последние рычания умирающего чудовища» (курсив наш. Я. М.).

Легко себе представить отчаяние несчастного Дартигоэта, когда он вместо ожидавшихся им положительных инструкций получил эту лекцию о прогрессе человеческого разума! Что же касается до Комитета общественного спасения, то он, повидимому, серьезно полагал, или делал вид, что полагает, что таких лекций вполне достаточно для преодоления всех трудностей, о которых столь красноречиво писали ему Ру-Фазильяк и Дартигоэт. Иначе трудно понять, каким образом мог Комитет общественного спасения включить в свой циркуляр 28 нивоза ко всем установленным властям о методах осуществления учредительного закона 14 фримера следующие рассуждения о религиозном вопросе, чуть ли не дословно повторяющие то, что ранее писалось им отдельным конвентским комиссарам:

«Свобода культов должна быть предметом ваших особенных забот. Должностное лицо не принадлежит ни к одной секте, но оно знает, что нельзя повелевать верованиями; оно знает, что нетерпимость и насилие порождают мучеников, а прозелитов создает один только голос разума.

«Уже в течение некоторого времени имеют место движения, в основе которых лежит религия. Источником их является ловкий маккиавелизм иностранных держав, которые, будучи вооружеными хитростью больше, нежели храбростью, пытаются победить нас посредством неугасимого факела гражданской и религиозной войны. Средство это не ново; история всех народов как древних, так и современных учит нас тому, что фанатизм был во все века сильнейшим орудием деспотизма...

«Не будем забывать, что источник фанатизма заключается в агонизирующем бреде мнимых ханжей и в слабости некоторых совестей. Будем щадить эти последние; что же касается до первых, то истина сумеет с ними справиться.

«Существуют столь крепко вкоренившиеся предрассудки, что побороть их способно только время. Поэтому повторяем еще раз, что в отношении религиозных убеждений необходимо руководствоваться следующей системой: политика не может быть успешной без терпимости; эту же терпимость рекомендует философия и предпринимает филантропия.

«Не будем одобрять предрассудков, но вместо того, чтобы нападать на них прямо, предоставим им исчезнуть перед факелом Разума...»

Итак, поставленный перед лицом факта очевидного провала декрета 16—18 фримера в значительной части Франции, Комитет общественного спасения на все недоуменные вопросы его агентов и их мольбы о руководящих указаниях, явно увиливая от прямого ответа, упорно твердит только одно: терпимость к ошибающимся и наказание злонамеренных; свобода культов и преследование всех пользующихся религией в интересах контрреволюции.

В чем заключалась причина такого странного и непонятного поведения руководящего органа якобинской диктатуры? Само собой разумеется, что при крайней скучности наших источников о деятельности Комитета общественного спасения¹, всякий ответ на этот вопрос может быть только гадательным. Однако нам думается, что ответ этот может быть формулирован следующим образом: *Комитет общественного спасения не мог найти выхода из тупика, создавшегося в декабре—январе 1793—1794 гг. в области религиозного вопроса по той простой причине, что этого выхода не существовало!*

Попробуем расшифровать это на первый взгляд несколько парадоксальное положение. Мы видели в свое время, что декрет 16—18 фримера о свободе культов был результатом не только победы блока робеспьевистов и дантонистов над эбертистами, но равным образом и того, что революционное правительство 1793—1794 гг. уже очень скоро после начала дехристианизации должно было убедиться, что в условиях тогдашней Франции дальнейшее продолжение таковой чревато серьезнейшей опасностью контрреволюции. А теперь оказывалось, что, декретировав свободу культа, Национальный Конвент попал из огня да в полымя!

Действительно, нам уже приходилось отмечать, что при тех размерах, которые к моменту издания декрета 16 фримера успело принять дехристианизаторское движение, строгое применение этого декрета не могло не быть истолковано на местах иначе, как движение вслить. А так как при той максимальной ожесточенности классовой борьбы, которая имелась налицо во Франции зимой 1793—1794 гг., даже малейший шаг по пути реакции религиозной был чреват величайшими опасностями, так как мог быть легко истолкован, как уступка и первый шаг по пути реакции политической,—совершенно очевидно, что декрет 16—18 фримера мог получить свое осуществление лишь в тех областях Франции, где классовая борьба была наименее остра. Именно поэтому было бы совершенно нелепо объяснять применение или неприменение декрета о свободе культов в той или иной местности одной только доброй или злой волей того или иного конвентского комиссара, и мы уже видели, что среди нарушителей этого декрета были не только левые монтаньяры, как Карье, но и монтаньяры правые, как Тальен или Буре.

Итак, как применение декрета 16—18 фримера, так и его неприменение, т. е. говоря иначе, продолжение дехристианизации, оказывались одинаково рискованными в смысле связанной с этим опасности контрреволюции. Вот почему мы и считаем себя вправе утверждать, что положение было безвыходное, и при этих условиях неудивительно, что Комитету общественного спасения в своей переписке с конвентскими комиссарами не оставалось

¹ Как известно, протоколов своих заседаний Комитет общественного спасения не вел, и поэтому сохранились только одни его голье постановления.

ничего иного, как читать им лекции о пользе веротерпимости и вместе с тем целиком полагаться на их интуицию и опытность.

Впрочем сколь ни разительно описанное нами противоречие, оно все же составляло лишь сравнительно второстепенное звено в той длинной цепи противоречий, которая имелась во Франции в начале 1794 г. и которая в конце концов и привела к перевороту 9 термидора. Основным из этих противоречий являлось, как известно¹, то, что буржуазная по своему объективно-историческому содержанию Великая французская революция субъективно была совершена не буржуазией, а другими классами (рабочим классом и крестьянством, руководимыми городской мелкой буржуазией); что же касается до всех остальных противоречий, то они были уже лишь производными от этого основного. Поэтому само собой разумеется, что и то противоречие, которое столь ярко выявилось в начале 1794 г. в области религиозного вопроса, было также отнюдь не случайно. В основе его лежал тот простой факт, что и здесь, как во всем остальном, буржуазная революция зашла к этому времени дальше своих естественных пределов. Мы уже неоднократно подчеркивали, что задачей буржуазной революции во Франции было отнюдь не разрушение католицизма, а лишь приспособление его к нуждам буржуазии. Однако, как мы в свое время видели, логика борьбы революции с контрреволюционным католическим духовенством привела к дехристианизаторскому движению, вышедшему, конечно, далеко за рамки «нормальных» пределов буржуазной революции. Но так как в рамках буржуазной революции борьба с христианством, само собой разумеется, не может быть доведена до ее логического конца (т. е. до борьбы со всякой религией как таковой, не исключая при этом и простого деизма), ибо носителем такой борьбы может быть один только пролетариат, и так как возвращение назад было связано с опасностью контрреволюции, то из этого возникло то неизбежное и неустранимое противоречие в религиозном вопросе, которое нами и было только что отмечено.

Но если таким образом для нас совершенно очевидна как неизбежность этого противоречия, так и его безысходность, то само собой разумеется, что сами деятели революции этого понять не могли. Вот почему отмеченные нами выше столь длительные колебания Комитета общественного спасения, а, следовательно, и всего революционного правительства, не могли все же быть бесконечными, и рано или поздно должна была быть сделана попытка найти тот выход, которого в действительности вовсе и не существовало. Попытка эта и была сделана робеспьевистами в виде создания так называемого культа Верховного Существа, по своей идее долженствовавшего составить совершенно новую религию, способную заменить как традиционное христианство, так и столь независимое робеспьевистам дехристианизаторское движение.

¹ Подробнее об этом см. Я. М. Захер, «9 термидора».

Однако попытка эта могла быть сделана робеспьеристами только тогда, когда им удалось справиться со своими противниками справа и слева, т. е. с дантонистами и эбертистами. В самом деле, мы в свое время видели, что предпосылкой издания декрета 16—18 фримера был отказ дантонистов от поддержания дехристианизаторской политики эбертистов, в силу чего последовал их блок по данному вопросу с робеспьеристами. Но при этом совершенно очевидно, что, добившись издания декрета о свободе культов, дантонисты не имели никаких оснований соглашаться на создание новой религии, долженствовавшей заменить старое христианство. Если, как мы говорили выше, всякая реакция в вопросах религии неизбежно должна была рассматриваться в условиях того времени как первый шаг по пути реакции политической, то дантонисты, которые именно к такой реакции в это время и стремились, могли это, само собой разумеется, только приветствовать. Вот почему до тех пор, пока робеспьеристы поддерживали свой блок с дантонистами, их руки в данном отношении были совершен но связаны. Что же касается до эбертистов, то нет, конечно, надобности доказывать, что, отказавшись, скрепя сердце, от культа Разума, они вместе с тем не могли иметь какие бы то ни было основания поддерживать создание нового религиозного культа, который означал бы стабилизацию революции на ранее завоеванных позициях, а не движение вперед, к которому они, как известно, стремились.

Но если таким образом зимой 1793—1794 гг. робеспьеристы еще не могли помышлять о создании нового религиозного культа, то положение вещей резко изменилось уже к началу апреля 1794 г., когда борьба «неподкупного» и его сторонников с дантонистами и эбертистами закончилась полным поражением этих обеих «фракций». Более того, к ранее существовавшим мотивам, толкавшим робеспьеристов на создание нового религиозного культа, в это время прибавился еще один, отнюдь не менее важный. Как известно, после победы робеспьеристов над их противниками справа и слева основой их политики сделалось стремление к стабилизации революции путем примирения всех ранее враждовавших классов (кроме, само собой разумеется, дворянства) и партий¹. Само собой разумеется, что одним из важных этапов по этому пути должна была быть ликвидация бушевавшей во Франции религиозной борьбы

¹ Как это подробно выяснено нами в статье, напечатанной в г. VI журнала «Историк-марксист», по вопросу о политике робеспьеристов весной 1794 г. в исторической литературе, и в частности в литературе марксистской, существуют довольно значительные расхождения, могущие быть сведены в основном к следующим трем точкам зрения: 1) робеспьеристы весной 1794 г. поворачивают направо; 2) робеспьеристы весной 1794 г. поворачивают налево и 3) робеспьеристы весной 1794 г. продолжают свою прежнюю политику «золотой середины» и стремятся к примирению всех классов и партий. Автор данной работы стоит на последней точке зрения, являющейся наиболее распространенной в марксистской историографии.

бы, и робеспьеристам казалось, что эта цель может быть легко достигнута посредством создания нового культа, отвечающего всем социальным задачам, возлагавшимся ими на религию, и вместе с тем учитывавшего основную причину успеха католицизма среди отсталых масс, а именно склонность таковых к внешним религиозным церемониям.

Таковы причины, породившие так называемый куль Верховного Существа. Что же касается до его возможных результатов, то вряд ли есть надобность доказывать, что куль этот был мертворожденным, ибо само собой разумеется, что создание всякого нового религиозного культа может быть лишь результатом целого ряда сложнейших исторических предпосылок, а вовсе не воли того или иного лица или даже партии или класса. Вот почему мы заранее вправе рассчитывать, что куль Верховного Существа не мог дать тех результатов, которых ждали от него Робеспьер и его единомышленники, и мы действительно убедимся, что этот куль, невзирая на его некоторый внешний успех, не разрешил ни одной из стоявших перед ним задач. Как мы разъяснили выше, то противоречие, которое создалось весной 1794 г. в области религиозного вопроса, было неразрешимо по самому своему существу, и поэтому вполне понятно, что оно наряду с другими, гораздо более важными противоречиями явилось одной из причин крушения робеспьеристской диктатуры и переворота 9 термидора. А вместе с робеспьеристами сошел в могилу и созданный им куль Верховного Существа.

II.

16 жерминаля II года Республики (5 апреля 1794 г.) совершилась казнь Дантона и его товарищей, а уже на следующий день, 17 жерминаля, ближайший соратник и единомышленник Робеспьера Кутон намекнул Конвенту на новый замысел робеспьеристов в области религиозного вопроса. Докладывая от имени Комитета общественного спасения о его плане работ, Кутон между прочим упомянул, что Комитет имеет в виду представить Конвенту доклад об устройстве «декадного праздника в честь предвечного, утешительная мысль о существовании коего была отнята у народа эбертистами». Это заявление, рассказывает отчет о конвентском заседании 17 жерминаля, было покрыто громом аплодисментов.

Через две недели после выступления Кутона план робеспьеристов был значительно более подробным образом формулирован Пайаном, робеспьеристским преемником Шометта на посту парижского национального агента. Выступая 30 жерминаля на торжественном празднике в храме Разума, т. е. в бывшем соборе Парижской Богоматери, Пайан в резких выражениях критиковал как традиционный католицизм, так и дехристианизаторскую политику эбертистов. И затем Пайан продолжал:

«Естественная религия занимает как раз середину между суеверием (т. е. христианством. Я. М.) и атеизмом (т. е. дехристиани-

зацией. Я. М. ... Каким образом могло бы не существовать бога? Кто же в таком случае подарил нам свободу? Будем справедливы, и нам не придется бояться Верховного Существа. Но не будем на- доедать ему нашими бесчестными и неуместными просьбами; будем говорить с ним так, точно мы обращаемся к людям, и будем жить с людьми так, точно нас видит бог. Будем воздвигать храмы Разуму, но какому разуму? Уже не нашему ли слабому и колеблющемуся разуму, растущему вместе с нами, формирующемуся лишь под влиянием опыта и ослабляющемуся к старости? Неужели же в этот век просвещения нам может притти в голову столь безумная и абсурдная мысль? Нет, народ воздвигал храмы не своему собственному разуму; построенные им храмы посвящены тому вечно му Разуму, который правит миром и который является не чем иным, как Верховным Существом. Только ему одному обязаны мы своим поклонением» (курсив наш. Я. М.)¹.

Но как доклад Кутона, так и выступление Пайана являлись не более чем прологом; подлинной же программой робеспьеристов в религиозном вопросе был знаменитый доклад Робеспьера, сделанный им от имени Комитета общественного спасения в заседании Национального Конвента 18 флореяля (7 мая)². Ввиду исключительной важности этого доклада для всей истории взаимоотношений Французской Революции и церкви, мы остановимся на нем более подробно.

Основным принципом доклада 18 флореяля является то, что «единственная база гражданского общества — это мораль. Все существующие вокруг нас ассоциации покоятся на преступлении; в глазах Истины они являются не чем иным, как ордами развитых дикарей или дисциплинированных разбойников. В чем же заключается магическая наука законодательства и управления? В том, чтобы пропитывать законы и администрацию теми моральными истинами, которые до сих пор содержались только в сочинениях философов, а равно и в том, чтобы применить к поведению целых народов те тривиальные истины честности, которыми каждый человек руководствуется в своей частной жизни».

Само собой разумеется, что при существовании старого режима не могло быть речи об осуществлении этих принципов, но теперь, думает Робеспьер, положение вещей должно перемениться. «Все изменилось в физическом порядке вещей; теперь все должно измениться и в порядке вещей моральном и политическом. Поло вина революции уже совершена; теперь должна совершиться ее вторая половина».

¹ «Moniteur», т. XX, стр. 395.

² Там же стр. 403—411. При цитатах из этой речи мы пользуемся частично русским переводом, содержащимся в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина — «Революционное правительство в эпоху Конвента».

Однако, — говорит Робеспьер, — в первые годы революции эта перемена оказалась столь же невозможной, как и при старом режиме. Препятствием для этого были сначала фельяне и жирондисты, а затем дантонисты и в особенности эбертисты.

«Чего хотели те, кто посреди окружающих нас заговоров, гостреди военных затруднений и в то время, когда еще продолжало бушевать пламя гражданской войны, с неслыханной резкостью напали на культуры и объявили себя горячими апостолами небытия и фанатичными проповедниками атеизма? Какова была цель этого заговора, затеянного под покровом ночи и без ведома Национального Конвента священниками¹, иностранцами² и заговорщиками? Действовали ли они из любви к отечеству? Но отечество ужеказалось их преступления. Руководила ли ими ненависть к священникам? Но священники были их друзьями. Ненавидели ли они фанатизм? Но их политика могла только его усилить. Хотели ли они ускорить победу Разума? Но они лишь оскорбляли его своими нелепыми насилиями и преувеличениями, точно нарочно задуманными для того, чтобы сделать его ненавистным. Разум как-будто бы нарочно помещали в храмы лишь для того, чтобы изгнать его из остальной Республики.

«Нет, они лишь служили интересам объединившихся против нас королей; королей, которые заранее предсказали наступление этих событий и с успехом пользовались ими для того, чтобы посредством манифестов и публичных молебствий возбуждать против нас фанатизм народов. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, с какой заботливостью г. Питт упрекает нас в этих эксцессах!. А ведь в то самое время, когда его агенты выполняли эти его поручения, английский народ постился, чтобы искупить предписанные г. Питтом грехи, и лондонские буржуа носили траур по католическому культу точно так же, как они носили его по случаю смерти короля Капета и королевы Антуанеты...

«... К счастью, гений французского народа, его неутасимая любовь к свободе, мудрость, с которой вы предупредили патриотов, могущих вполне добросовестно последовать за опасным примером, представлявшимся деятельностию лицемерных авторов этого заговора; наконец, старание, с которым сами священники стали разоблачать себя перед народом, — все эти причины предупредили большую часть тех несчастий, на которые надеялись наши враги. Вашей обязанностью является ликвидировать остальные и, если это окажется возможным, использовать самую испорченность наших врагов для обеспечения триумфа принципов Свободы.

«Считайтесь только с благами отечества и интересами человечества. Всякое учреждение, всякое учение, которое успокаивает и возвышает души, должно получить наше признание. Наоборот, отвергните все те, целью коих является их унижение и развраще-

¹ Намек на Гобеля.

² Намек на Анахарзиса Клоотца.

ние. Ободряйте и усиливайте все великодушные чувства и все великие моральные идеи, которые наши враги хотели подавить; посредством прелести дружбы и уз добродетели сближайте тех людей, которых они стремились разделить.

«Человек, воодушевленный только бесплотной идеей атеизма и никогда не воодушевлявшийся во имя интересов родины,—кто поручил тебе проповедывать народу, что божество не существует? Разве хорошо убеждать человека в том, что его судьбами управляет слепая сила, случайно карающая то преступление, то добродетель, и что его душа—это только легкое дуновение, исчезающее у порога могилы?

«Разве мысль о небытии вызовет в нем более чистые и воззванные побуждения, чем идея о бессмертии? Разве это вызовет в нем больше уважения к ближним и к самому себе, больше храбрости для борьбы с тиранией и больше презрения к смерти и к чувственным наслаждениям? Несчастные, умирающие под ударами убийцы, ваш последний вздох взывает к вечному правосудию. Невинность, воздвигенная на эшафот, заставляет бледнеть тирана, сидящего в своей триумфальной колеснице; какое преимущество останется за ней, если могила сравнивает и притеснителя и угнетенного? Несчастный софист, по какому праву хочешь ты вырвать скипетр Разума из рук невинности и передать его в руки преступления, набросить погребальный покров на природу, привести в отчаяние несчастье, обрадовать преступление, опечалить добродетель и унизить человечество? Чем более человек наделен чувствительностью и гением, тем сильнее привязывается он к взглядам, увеличивающим его существо и возвышающим его сердце; учение людей этого размаха становится учением всего мира. И могли ли эти взгляды не соответствовать истине? По крайней мере я не понимаю, каким образом природа могла бы заставить человека поверить в фикции, более полезные, чем все реальности, и если бы существование бога и бессмертие души были бы лишь мифами, они все же представляли бы собой наилучшие из всех изобретений человеческого разума.

«Мне нет надобности подчеркивать, что я не собираюсь здесь осуждать какие бы то ни было философские взгляды и доказывать, что тот или иной философ в силу счастливой натуры или могучего ума может быть добродетельным независимо от своих убеждений и даже вопреки им. Моя задача заключается лишь в том, чтобы рассмотреть атеизм как национальную религию, связанную с системой заговоров против Республики.

«Законодатели, какое вам дело до различных гипотез, при помощи которых отдельные философы объясняют явления природы? Все эти вопросы вы можете оставить предметом их бесконечных споров; вы не должны рассматривать их ни как метафизики, ни как богословы; в глазах законодателя истиной является все то, что оказывается полезным в жизни и хорошим на практике.

«Идея Верховного Существа и бессмертия души является постоянным напоминанием о справедливости, следовательно, эта идея носит республиканский и общественный характер. Природа наделила человека чувством горя и радости, которое заставляет его избегать предметов, приносящих ему вред, и искать тех, которые ему полезны. Задачей общества является создать в человеке такой моральный инстинкт, который даже без запоздалой помощи разума заставлял бы его делать добро и избегать зла; ибо рассудок отдельного человека, обуреваемого своими страстиами, часто является только софистом, выступающим на их защиту; а при помощи своего самолюбия каждый всегда может найти возражения против авторитета других людей. Именно этот драгоценный инстинкт вызывается и заменяется религиозным чувством, которое дополняет авторитет других людей и запечатлевает в душах мысль о той санкции заповедей морали, которая дана им властью, стоящей над человеком; и я не знаю ни одного законодателя, который когда-либо решился бы на то, чтобы превратить атеизм в общенациональную систему...

«... Остерегайтесь порвать священные узы, объединяющие людей с их творцом; если только в народе господствовало это верование, то его разрушение является опасным, ибо на этой идеи основывается догмат нравственности и сознание долга; уничтожить ее — это значит сделать народ безнравственным... Отсюда же вытекает, что никогда не надо чинить стеснений тому культу, служение которому отправляется с заботливостью и не нарушает общественного порядка; внезапная и быстрая перемена может показаться посягательством на нравственность и даже нарушение правил. Кроме того тот, кому удалось бы заменить бога в системе общественной жизни, явился бы, с моей точки зрения, чудом гениальности; тот же, кто, не заменив его, пытается изгнать его из человеческого сознания, представляется мне чудом глупости или безнравственности...

«... Но не может ли предлагаемая мной политика разбудить фантазии и усилить этим путем аристократию? Нет, и если мы изберем предписываемый мудростью путь, то мы легко избежим этой опасности.

«Враги народа, кем бы вы ни были, Национальный Конвент никогда не окажет поддержки вашей испорченности! Аристократы, под какой маской вы ни попытаетесь укрыться,—напрасно вы будете стараться избегнуть нашего осуждения, направленного против зачинщиков преступного заговора; напрасно вы попытаетесь перенести его на тех искренних патриотов, которые могут совершить необдуманные поступки из-за своей ненависти к фанатизму...

«Фанатики, не возлагайте на нас своих надежд! Напомнить людям об истинном культе Верховного Существа — это значит нанести лучший удар фанатизму. Все обманы исчезают перед лицом Истины, все безумства рушатся при свете Разума. Без принужде-

ния, без насилий все секты должны слиться сами в универсальную религию природы. Поэтому мы советуем вам поддерживать применявшиеся до сих пор принципы. В интересах торжества Разума свобода культа должна быть сохранена но она не может нарушать общественного спокойствия и не должна превращаться в средство для заговоров. Если же злонамеренные контрреволюционеры станут пользоваться этим предлогом, то накажите их, а в остальном положитесь на могущество принципов и силу самих вещей.

«Честолюбивые священники, не ждите, что мы восстановим ваше владычество. Такая попытка была бы даже и выше наших сил. Вы сами себя уничтожили и для вас нет возврата ни к физическому, ни к моральному существованию.

«Да к тому же—что общего между священниками и богом? Священники являются в отношении морали тем же, чем шарлатаны в отношении медицины. Насколько бог природы далек от бога священников! Я не знаю ничего, столь похожего на атеизм, как созданные ими религии... Подлинный служитель Верховного Существа—это природа, его храм—вселенная; его культ—добротель; его праздник—радость великого народа, собравшегося перед его глазами для того, чтобы укрепить сладостные узы всемирного братства и принести ему в дар свои чувствительные и чистые сердца....

«... Но оставим священников и вернемся к идеи божества. Укрепим нравственность на вечных и священных основаниях;вшим человеку то священное уважение к его ближнему, то глубокое сознание своих обязанностей, которые одни только являются залогом общественного благополучия; будем воспитывать это чувство при помощи всех наших учреждений; и пусть общественное воспитание будет особенно стремиться к достижению этой цели... Это воспитание должно быть общим и одинаковым для всех французов. Теперь нужно воспитывать не господ, а граждан; только отечество имеет право воспитывать своих детей; оно не может доверить этого ни гордости отдельных семей, ни предрассудкам частных лиц—вечным источникам аристократизма и той домашней разобщенности, которая суживает души путем их изоляции и нарушением равенства подрывает все основы общественного строя. Впрочем эта важная тема выходит за рамки настоящего доклада.

«Но есть один род установлений, который должен быть рассматриваем как важная составная часть общественного воспитания и который поэтому ближайшим образом относится к предмету этого доклада. Я имею в виду общественные празднества...

«... Система национальных празднеств является лучшим способом установить узы братства и самым могучим средством для нравственного возрождения.

«Организуйте общие торжественные празднества для всей Республики и отдельные праздники для каждой местности; они должны быть днями отдыха вместо тех праздников, которые ныне разрушены силою обстоятельств. Пусть все послужит для пробу-

ждения тех великолдуших чувств, которые являются обаянием и украшением человеческой жизни; это — стремление к свободе, любви к родине, уважение к законам. Пусть во время этих праздников будет предана уничтожению память о тиранах и предателях; и пусть памяти героев Свободы и благодетелей всего человечества будет воздана справедливая благодарность. Пригласим на наши празднества природу и все добродетели; пусть все они будут устроены во славу Верховного Существа; пусть все они будут ему посвящены и пусть они будут начинаться восхвалением его доброты и могущества» (курсив наш. Я. М.).

Обрисовав затем некоторые конкретные детали предлагаемых им празднеств, Робеспьер закончил свой доклад представлением на утверждение Национального Конвента проекта следующего декрета:

«Ст. 1. Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души.

Ст. 2. Он признает, что культом, достойным Верховного Существа, является исполнение человеком своих гражданских обязанностей.

«Ст. 3. В число этих обязанностей включаются: ненавидеть злонамеренность и тиранию, наказывать тиранов и предателей, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать в отношении других всевозможное добро и не быть несправедливым в отношении кого бы то ни было.

«Ст. 4. Для напоминания человеку об идее божества и его величии устанавливаются особые празднества.

«Ст. 5. Их названия должны быть связаны с достопамятными событиями революции, с самыми дорогими и полезными для человека добродетелями и с наивысшими благодеяниями природы.

«Ст. 6. Республика будет ежегодно праздновать дни 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 года, 21 января 1793 года и 31 мая 1793 года.

«Ст. 7. В дни декад она будет устраивать следующие празднества, посвященные: Верховному Существу и природе, всему человеческому роду, мученикам Свободы, Свободе и Равенству, Республике, свободе всего мира, любви к родине, ненависти к тиранам и предателям, истине, справедливости, скромности, славе и бессмертию, дружбе, простоте нравов, чистосердечию, героизму, бескорыстию, стоицизму, любви, супружеской верности, отцовской любви, материнской нежности, сыновней почтительности, детству, юности, мужественному возрасту, старости, несчастью, земледелию, промышленности, нашим предкам, потомству, счастию.

«Ст. 8. Комитетам общественного спасения и народного просвещения поручается представить план организации этих празднеств.

«Ст. 9. Национальный Конвент призывает все достойные служить делу человечества таланты принять участие в чести организации этих празднеств составлением гимнов и патриотических песен,

а равно и всеми вообще способами,ющими содействовать укращению этих празднеств и их наибольшей полезности.

«Ст. 10. Комитет общественного спасения отметит работы, которые покажутся ему наиболее способными содействовать этой цели и вознаградит их авторов.

«Ст. 11. Свобода культов сохраняется согласно декрету 18 фримера.

«Ст. 12. Всякое собрание, связанное с аристократизмом и нарушающее общественный порядок, будет разогнано.

«Ст. 13. В случае волнений, возникших на почве какого-либо культа, будут наказаны по всей строгости законов все те, кто возбуждал их своими фанатическими проповедями или клеветническими выпадами, а также и те, кто вызвал эти беспорядки несправедливыми и беспринципными насильственными мерами.

«Ст. 14. О частных постановлениях, связанных с исполнением настоящего декрета, будет сделан специальный доклад.

«Ст. 15. 20 числа будущего прериля будет отпразднован праздник в честь Верховного Существа» (курсив наш. Я. М.).

Таков знаменитый доклад Робеспьера 18 флореяля. Обращаясь к его оценке, мы сознательно устранием из поля нашего зрения все те части этого доклада, которые характеризуют теоретические воззрения докладчика по вопросам религии. Говорить об этом нам уже достаточно много приходилось в первом томе настоящей работы и сейчас мы лишь отметим, что доклад 18 флореяля блестяще подтверждает все то, что нами было в свое время сказано о робеспьеровском понимании социальных функций религии. В данный момент нас интересует не это, а другое,—то, каким образом Робеспьер думал справиться с разрешением той основной задачи, которая в эту минуту стояла перед революцией в области религиозной проблемы. И, отвечая на этот вопрос, мы должны сразу же констатировать, что Робеспьер в своем докладе 18 флореяля пошел именно по тому пути, при помощи которого, как мы говорили выше, робеспьеристы думали разрешить неразрешимое по своему существу противоречие. Однаково отрицая как то, что он называл «атеизмом», т. е. дехристианизацию, так и традиционное христианство, Робеспьер видел выход из того тупика, в котором революция в это время очутилась в области религиозного вопроса, в создании нового культа—культа Верховного Существа. Сохраняя в силе декрет 16—18 фримера о свободе культов, Робеспьер вместе с тем хотел отныне сделать культа Верховного Существа официальной государственной религией Франции. Этот культ, вполне отвечая тем социальным функциям, которые Робеспьер возлагал на религию, по его мысли позволили бы вместе с тем *отказаться от дехристианизации, не возвращаясь в лоно католической церкви*. Мы уже отмечали, что это был именно тот путь, который, не будучи выходом на самом деле, представлялся, однако, робеспьеристам в качестве такового, и поэтому глубоко неправы те историки (как,

например, Олар)¹, которые пытаются вывести доклад 18 фримера из того, что Робеспьер в вопросах религии был убежденным сторонником гражданской религии Руссо. Руссо, конечно, здесь решительно не при чем: куль Верховного Существа был вызван не какими-либо теоретическими соображениями, а потребностями чисто практического порядка. Он был единственным путем, представлявшимся робеспьеристам выходом из того тупика, в который весной 1794 г. зашла вся религиозная политика монтаньяров, и именно этим и не чем иным следует объяснить все отличительные особенности робеспьеровского доклада 18 флореяля.

Этим же соответствием доклада 18 флореяля практическим требованиям момента объясняется тот непонятный на первый взгляд факт, что предложение Робеспьера встретило полное соживание во всех кругах монтаньярской партии. Принятый Конвентом без всяких прений (с предложенным Кутоном дополнением, согласно коему доклад Робеспьера должен был быть переведен на все языки и разослан во все страны мира) декрет 18 флореяля составил в тот же день предмет прений в якобинском клубе, и исключительно любопытно, что апологетом «неподкупного» выступил на этот раз не кто иной, как такой в своем прошлом решительный и крайний дехристианизатор, как Лекинио. «Республика»,—говорил Лекинио,—имела дни блестящих побед, но сегодняшний день—самый прекрасный и возвышенный из всех. Сегодня навсегда рассеялась клевета, направленная против народных представителей; сегодня сокрушено всякое вероломство. Один из прекраснейших докладов, когда-либо прочитанных с трибуны Конвента, был сделан в сегодняшнем заседании Робеспьером. Каждая фраза его встречалась аплодисментами. Нам хотелось рукоплескать ему всякий раз, когда он запечатлевал в наших душах возвышенные и достойные Свободы чувства. Он велик своими политическими и моральными идеями, он велик во всем, в большом и в малом».

Это выступление Лекинио вызвало в заседании якобинского клуба следующего дня любопытный инцидент, который в отчете о заседании 19 флореяля передается в следующих выражениях:

«Бриваль напоминает обществу, что эти принципы трудно согласовать с двумя опубликованными Лекинио речами под названием: одна — «Счастье», а другая — «Разрушенные предрассудки». Он утверждает, что в этих речах Лекинио старается доказать, что никакого Верховного Существа нет и что после смерти от человека ничего не остается. (В этом месте выступления Бриваль его прерывает шум и требования перехода к порядку дня).

«Лекинио просит разрешения раскрыть свое сердце перед своими братьями и дать им прямое и искреннее объяснение, которое докажет, что единственной движущей пружиной его по-

¹ Олар, «Культ Разума и куль Верховного Существа», гл. XIX—XX.

ступков является добродетель. Но общество, перейдя к порядку дня и тем самым доказав, что оно не требует от Ликинио никаких оправданий, заставляет его покинуть трибуну».

Этот инцидент с несомненностью показывает, как то обстоятельство, что даже многие из самых рьяных в своем прошлом дехристианизаторов считали в этот момент, что предложенная Робеспьером мера представляет выход из создавшегося к тому времени трудного положения в области религиозного вопроса¹, так и то, что их бывые противники — робеспьеристы не считали в эту минуту целесообразным возвращаться к старым спорам и дискуссиям в отношении этой щекотливой проблемы. Поэтому неудивительно, что уже 23 флореяля Комитет общественного спасения принял следующее постановление, означавшее первый шаг по пути практического осуществления декрета 18 флореяля:

«Комитет общественного спасения постановляет, что на фронтонах зданий, ранее посвященных культу, надпись «Храм Разума» будет заменена следующими словами ст. I декрета Национального Конвента от 18 флореяля: «Французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души».

«Комитет постановляет также, что доклад и декрет 18 флореяля будут публично зачитываться в тех же зданиях по декадам, три раза в течение месяца.

«На национальных агентов при коммунах Республики возлагается обязанность выполнения настоящего постановления, которое будет немедленно препровождено им национальными агентами дистриктов. Эти последние обязаны безотлагательно представить Комитету отчет о выполнении настоящего постановления».

На следующий день, 24 флореяля, декрет 18 числа получил полное одобрение и поддержку Парижской Коммуны. По предложению члена Коммуны Жо, Генеральный Совет постановил ходатайствовать перед Конвентом о том, чтобы надпись на бывших церквях «Разуму» была заменена надписью: «Верховному Существу». Кроме того Совет постановил обратиться к Конвенту с благодарственным адресом по поводу издания декрета 18 флореяля².

Этот адрес был зачитан Пайаном в Конвенте уже на следующий день, 25 флореяля. Начав, подобно Робеспьеру, с упреков по адресу эбертистов, стремившихся ввести во Франции атеизм, парижский национальный агент далее продолжал:

«Конвент настиг этих заговорщиков. Их более не существует. Но тем не менее, было необходимо уничтожить безвозвратно их бездушное учение; было необходимо заменить все их суеверие

¹ Чрезвычайно любопытно, что ярым сторонником культа Верховного Существа выступил в этот момент и такой атеист, как известный Сильвен Марешаль. См. об этом у Aulard, «Le culte de la Raison», стр. 81 и 303. В соответствующих местах русского перевода эти абзацы выпущены.

² «Монитор», т. XX, стр. 466.

идеями, достойными приверженцев свободы. И требованием вашим стали мораль и справедливость. Было необходимо поддержать мораль, которую стремились извратить.

«Одновременно граждане и законодатели, вы обсудили эти вопросы с обеих точек зрения. Как граждане, вы были проникнуты идеей бытия бога, ибо совесть ваша, чистая и справедливая, не позволяет вам сомневаться в благодетельности божества. Вы проникнуты убеждением, что душа бессмертна, ибо идея небытия мучительна для добродетельных сердец, ибо гражданам отрадно думать, что, даже перестав жить, они смогут заботиться о своем отечестве.

«Как законодатели, вы сознали свой долг покровительствовать всем идеям, возвышающим души и делающим человека добрым в счастьи и великим в несчастии. Вы почувствовали, что, утешительная идея существования бога и бессмертия души послужит поощрением добродетели, преградой преступлению, что мудрым и честным будет поведение человека, убежденного в неустанных благодеяниях бога, который читает в сердцах, видит все действия и который мудростью своей распознает порядочного человека.

«Да, верховное существо, которое приводит в движение всю природу, взирает с благоволением на человека, совершающего добро. Эта мысль увлекает конечно гражданина на путь добродетели; она вознаграждает его за добро и заставляет любить его; она делает его чутким и услужливым к несчастным; она смягчает переход его к могиле и даже из недр ее воскрешает в нем упоительную надежду.

«Если идея существования бога драгоценна для человека добродетельного, то она становится роковой для человека порочного, и поэтому она полезна для общества. Человек испорченный, устрашенный этим учением, полагает, что за ним постоянно следит свидетель могучий и неумолимый, от которого нельзя уйти, который видит его, сторожит его, когда люди предаются сну, и которого он слышит в каждом шорохе, достигающем его слуха.

«И если этот образ заставит злого хоть раз представить себе потрясающую картину тех преступлений, которыми он замыслил осквернить себя, если этот образ хоть раз удержит его руку, готовую совершить злодеяние, как преступны были бы те правители, которые дерзнули бы освободить человека от этой узды, наложенной природой на порочность!

«По жизненным велениям божества, судьба человека доброго и злого, конечно, не одинакова за гробом; благодаря вашим законам, мудрым и справедливым, не одинакова будет их участь и здесь, на земле.

«Вы создали не религию, вы напомнили людям простые и вечные заповеди, преданные забвению суеверием атеизма, точно также, как, заложив основы равенства, вы провозгласили незабвенные права человека, напомнив тем о недавнем гнете тирании. Напрасно злопыхательство силится убедить нас, что ваш бессмерт-

ны́й декрет вызовет из окровавленных могил отвратительное чудовище фанатизма. Законодатель, предложивший этот закон, отождествил в своем докладе священников с королями. Эта справедливая идея отобьет у многих граждан охоту стать священнослужителями. Кто не предпочтет принципов простых и вечных, как природа, мистическому и необъяснимому культу, а бога справедливого и благодательного — богу жрецов? **Какая надобность у нас в священниках?** В праве ли мы лишать своих ближних счастья служить отечеству, обожать родителей? **Надо ли изобретать вместо себя особых людей для оказания почестей Верховному Существу, которые нам самим приятно воздавать ему?** **Нет, мы будем чтить его сами посредством своих добродетелей.** Мы будем пытаться определить его сущность, ибо в этом случае мы бы лишь наделили его нашими грехами и слабостями. Мы составили себе о нем понятие столь возвышенное, что не осмелимся унижать его, создавая его по образу и подобию нашему. И разве его надо видеть глазами? Разве все деяния, исходящие от него, все дары, им расточаемые, не заставят наши сердца его познать и наши глаза его узреть?» (курсив наш. Я. М.)¹.

Мы привели эту длинную цитату не только потому, что речь Пайана не менее ярко, чем все уже известные нам речи Робеспьера, отражает те социальные функции, которые возлагались робеспьеристами на религию. Наряду с этим эта речь интересна еще и тем, что она одной своей стороной выясняет задачи, связанные робеспьеристами с создаваемым ими культом Верховного Существа, еще более четко, нежели это было сделано в докладе 18 флореяля, — мы имеем в виду утверждение Пайана, что этот куль не будет иметь своих собственных служителей. В самом деле, мы в свое время неоднократно подчеркивали, что все дехристианизаторское движение 1793 г. было не чем иным, как результатом перерастания борьбы революции с контрреволюционным католическим духовенством в борьбу с самой католической религией как таковой. И если робеспьеристы, в силу уже известных нам причин, были ярыми врагами дехристианизации и сразу же после своей победы над эбертистами и дантонистами заменили культ Разума культом Верховного Существа, то речь Пайана вместе с тем несомненно свидетельствует, что они прекрасно помнили об уроках прошлого и рассматривали новый куль не только как средство достижения определенных социальных результатов, но равным образом и как способ борьбы с католицизмом и особенно с католическим духовенством.

На следующий день после оглашения в Конвенте адреса Парижской Коммуны, т. е. 26 флореяля, а заседании якобинского клуба выступил молодой Жюльен (которого не следует смешивать

с дантонистом Жюльеном из Тулусы, скрывавшимся в это время в подполье), предложивший клубу представить Конвенту государственный адрес по поводу издания декрета 18 флореяля. Предложение это было поддержано Робеспьером, высказавшимся, однако, против одного из пунктов составленного Жюльеном проекта адреса. «Есть истины, — говорил Робеспьер, — которые следует высказывать лишь с осторожностью. Такова в частности и высказанная Руссо истина, что следует изгнать из пределов Республики всех, не верующих в божество. Этот принцип, включенный в адрес, не должен быть нами принят, ибо это значило бы слишком испугать значительное число дураков или испорченных людей. Я считаю, что их нужно преследовать не всех, а только тех, кто составляет заговоры против Свободы. Поэтому я считаю, что эту истину нужно оставить в писаниях Руссо, но не применять ее на практике. В остальном же я полагаю, что адрес должен быть принят».

Робеспьер был поддержан Кутоном и, что особенно интересно, Карье. Если же к этому прибавить, что в заседании якобинского клуба 23 флореяля Колю д'Эрбуа, выступая по вопросу о секционных обществах, также восхвалял куль Верховного Существа, то это еще раз доказывает правильность нашего утверждения о том, что даже те монтаньяры, которые стояли левее робеспьеристов, приветствовали декрет 18 флореяля.

Адрес якобинского клуба был зачитан в Конвенте на следующий день, т. е. 27 флореяля. Вот что он гласил:

«Граждане-представители, глубокая безнравственность множества людей, выступавших на политической арене, привлекла к себе ваши взоры, и вы отомстили за общественную мораль. Честолюбцы, интриганы, грязные существа, вскормленные преступлениями, исчезли; честность, справедливость и все добродетели стали наущенным требованием.

«Но вам осталось показать еще великий пример. Вам было мало уничтожить несколько заговорщиков; вы захотели уничтожить самое семя всяких заговоров, которые существовали или могли существовать. И вы это сделали. Мрачные глашатаи атеизма втайне продолжали свое дело, тревога закрадывалась в души и нечистые уста повторяли кощунство Брута. Им хотелось уничтожить добродетель. Для них добродетель была призраком, Верховное Существо — напрасной и лживой мечтой, грядущая жизнь — обманчивой химерой, смерть — бездонной пропастью. Они стремились омрачить вложенные природой в человеческое сердце первичные понятия и старались заглушить все добрые и благородные порывы; свободу и отечество они превратили в туманный призрак, оптический обман. Но Конвент торжественно провозгласил, что французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертие души.

«Да, весь французский народ, как один человек, поднялся, чтобы дать санкцию вашему декрету, и солнце освещает этот еди-

¹ Buchez et Roux, «Histoire parlementaire de la Révolution Française», т. XXXIII, стр. 65 — 67.

нодушный подъем всего народа, воздающего почести богу. Пусть рабские народы остаются добычей деспотизма и заблуждений! Французский народ вырвался из оков фанатизма и неволи, он верным ходом прошел через все подводные рифы; он *освободился и от лживого суеверия, и от софистических заблуждений атеизма*; он восстановил божество, истину, добродетель.

«Граждане-представители, оставайтесь всегда такими, какие вы обнаружили себя перед вселенной: представителями великой и великодушной нации, представителями народа, который желал, чтобы нравственность была сущностью патриотизма, который провозгласил, что всякая порочность равносильна контрреволюционности.

«Подголоски аристократии осмелились распространять в департаментах слух, что якобинцы погибли потому, что некоторые лица, слишком долго осквернявшие нашу среду, сложили голову на эшафоте; но они не были добродетельны, следовательно, никогда не были якобинцами.

«Истинные якобинцы это те, чьи личные добродетели являются верной гарантией гражданских доблестей. Истинные якобинцы это те, кто открыто исповедует заповеди не как религиозный догмат, а как закон общительности, без которого, как говорит Жан-Жак, нельзя быть добрым гражданином.

«Существование божества, грядущая жизнь, святость общественного договора и законов» — вот те неизменные основы общественной морали, на которых должна покоиться наша единая, нераздельная и несокрушимая Республика. Объединяйтесь же вокруг этих священных начал! Нельзя заставить кого бы то ни было в них насильно уверовать, но тот, кто осмелится сказать, что он в них не верит, тот посягнет на французский народ, на человеческий род и на природу.

«Пусть заговорщики ищут утешения в полной бренности своего существа. Добродетель нуждается в бессмертии и верит в него. Вы, славные мученики за дело народа, вы никогда не умрете; бессмертие вас снова призовет. И вы, тираны, не надейтесь на полное изчезновение: бессмертие вас потребует, чтобы наказать за долгие годы преступлений.

«Таково, граждане-представители, исповедание веры якобинцев Парижа и, мы смеем утверждать, всех якобинцев Франции. И они явились сюда, как являлись всегда в дни важных событий, чтобы возблагодарить вас за благородный декрет, который вы издали; они присоединяются к вам в великий торжественный день, когда праздник в честь Верховного Существа объединит добродетельных граждан со всех концов Франции и они дружным хором воспоют хвалу божеству и добродетели, и этот голос послужит сигналом гибели всех пороков и тиранов» (курсив наш. Я. М.).

В ответ на адрес якобинского клуба председательствовавший в заседании Конвента Карно рассыпался в похвалах якобинцам и одобряемому ими культу Верховного Существа. «Как

правильно сказал один знаменитый человек, — говорил Карно, — *немного философии ведет к атеизму, но много философии приводит к признанию божества*. Малое знакомство с философией рождает в человеке гордыню, не признающую ничего над собой, а глубокое знание философии раскрывает перед человеком его слабости, а вне его — чудеса, которым он не может не изумляться».

Выступивший после Карно Кутон, подобно ему, начал свою речь с критики атеизма. «О, — воскликнул он, — чудовища, проповедывавшие атеизм и материализм, хорошо знали, что наилучший способ погубить революцию — это отнять у людей веру в будущую жизнь и привести их в отчаяние ужасом небытия. Они хотели превратить французский народ в народ разбойников, ибо надеялись, что после этого он станет народом рабов. И это должно было быть естественным следствием атеизма, высушивающего сердце, энергизирующего все способности души и вытравляющего из человеческого сознания всякое чувство великодушия, справедливости, честности, добродетели и энергии.

«Но где они, эти так называемые философы, которые так бесстыдно лгали перед самими собой, отрицая существование божества? Пусть они придут сюда и дадут ответ, они или им подобные создали все чудеса, которым мы дивимся, не будучи в силах их понять; они ли сотворили бег времени и небесных светил, они ли сотворили чудо рождения и смены поколений, они ли одухотворили мир, покрыли величественным сводом вселенную, создали благодетельное солнце, ежедневно восходящее, чтобы осветить и оживить все сущее на земле? Нет, они не являются сюда, их не надо убеждать. Они, как и мы, читали в великой книге природы и невольно пали ниц перед высшим Разумом, величественный образ которого запечатлен всюду.

«Но им, этим Дантонам, Эберам, Шометтам и прочим ловким агентам объединившихся против Франции врагов, было необходимо, дабы лучше услужить оплачивавшим их тиранам, проповедывать иное учение, дающее возможность вызвать отчаяние и разочарование народа и таким образом подавить его добродетельную энергию, составлявшую непреодолимое препятствие для осуществления их контрреволюционных планов!».

Перейдя затем к восхвалению культа Верховного Существа, Кутон закончил свою речь требованием одобрения поведения якобинского клуба, а равно напечатания его адреса и рассылки его по всем армиям и коммунам Республики. Это предложение, поддержанное Бреаром, было тут же вотировано Конвентом без всяких дальнейших прений.

На следующий день, 28 флуореяля, с приветствием декрету 18 числа выступила явившаяся в Конвент делегация совета Парижского департамента, повторившая в общем то, что было уже сказано по этому поводу Парижской Коммуной и якобинцами. А затем начались бесконечные приветствия из провинции, и докла-

дывавший об этом Конвенту 7 прериаля представитель комиссии депеш Данжу мэр с полным основанием констатировать, что «декрет 18 флореяля... вызывает повсюду восторженный энтузиазм. Содержащаяся в этом декрете декларация Конвента рассматривается как залог дружбы и как гарантия искренности, предлагаемая всем свободным народам. Само собой разумеется, что от этого Верховного Существа, этого высшего Разума, приводящего в движение всю вселенную, далеко до того бога, которым торговал современный Рим, изображая его соответственно своим интересам» (курсив наш. Я. М.).

14 прериаля Данжу снова докладывает Конвенту, что «ваши декреты 18 флореяля о признании Верховного Существа и бессмертия души вызывают повсеместные приветствия народа». В частности Данжу указывал на поступление на имя Конвента приветственных адресов от установленных властей города Невера, Генерального Совета Коммуны Бовэ, директории дистрикта Сенлиса, народного общества Байе и целого ряда других народных обществ и установленных властей.

Но если таким образом декрет 18 флореяля вызвал полное одобрение со стороны бесчисленного количества государственных и общественных организаций тогдашней Франции, то вместе с тем чрезвычайно любопытно, что он обрадовал и католиков, многие из коих были склонны рассматривать культ Верховного Существа как первый этап по пути возвращения к католицизму. «Праздник в честь Верховного Существа, — рассказывал впоследствии епископ Грегуар, — наполнил сердца каким-то утешением; улыбалась надежда на близкое восстановление религии»¹. Подобные же надежды питались и некоторыми другими представителями «конституционной» католической церкви².

При таком положении вещей было вполне очевидно, что инициаторы культа Верховного Существа должны были еще раз с полной ясностью подчеркнуть, что принятие этого культа отнюдь не означает возврата к католицизму. Это и было сделано в выступлении представителя комиссии депеш Во, докладывавшего Конвенту 18 прериаля о поступлении ряда новых приветственных адресов по поводу декрета 18 флореяля.

«Не для того вы с таким достоинством говорили о божестве, — говорил в своем выступлении Во, — чтобы заменить нетерпимость сект нетерпимостью теизма, или чтобы дать фанатизму новую пищу, гонителям — новый повод для насилий, шарлатанам — новый случай для поднятия шума, а лицемерам — лучшее средство для одурачивания народа. Вы отказались определить, чем является бог; вы отказались сравнивать, описывать его, доказывать его. Вы не хотели заключить естественные чувства в тексты

¹ Олар, цит. соч., стр. 199.

² De la Gorce, „Histoire religieuse de la Révolution Française“, т. II, стр. 497—498.

глоссаторов и составителей катехизисов; вы не хотели учение, дающее утешение, превращать в инквизиторский закон, сеющий смуту.

«Вы установили неизменную, необходимую, вечную основу морали, гражданственности, добродетели и счастья; вы высказали чувства народа великодушного и мудрого, отвага которого растет благодаря идеи бессмертного существа, всемогущего и справедливого, ощущающего свое рождение для вечной жизни.

«Все, чего не одобряет свет строгого разума, что не соответствует чувствам, внушаемым нам чистой совестью, чуждо божеству и относится к надменному атеизму сект. Все эти секты хотели уничтожить бога естественного и сохранить бога по образу поэтов, живописцев, краснобаев, жрецов или тиранов.

«Точно так же, стремясь погасить факелы фанатизма, вы не хотели набросить на обманы и преступления духовенства грязного налета смешного¹, который мог бы защитить их от стрел негодования, заслуженных ими со стороны всех людей и всех веков» (курсив наш. Я. М.).

Но если таким образом инициаторы культа Верховного Существа устами Во еще раз недвусмысленно подчеркивали, что культ этот не имел ничего общего с возвращением к католицизму, то вместе с тем нам уже приходилось отмечать, что, поскольку основной задачей культа Верховного Существа являлось создание для народа религии, вполне способной заменить его прежние верования, культ этот не мог игнорировать склонности масс к пышным религиозным церемониям. Авторы культа Верховного Существа это прекрасно сознавали, и поэтому их первым делом после провозглашения этого культа было устройство в его честь грандиозного праздника — так называемого «праздника Верховного Существа». К его истории мы теперь и перейдем.

III

Мы видели выше, что уже ст. 15 декрета 18 флореяля гласила, что 20 прериаля (8 июня 1794 г.) будет устроен праздник в честь Верховного Существа. В тот же день Конвент утвердил предложенный ему знаменитейшим художником того времени и вместе с тем членом Конвента и Комитета общей безопасности, робеспьеристом Давидом, подробный план этой торжественной церемонии. Ввиду крайней характерности этого документа, мы приводим его целиком.

«Программа праздника Верховного Существа, составленная Давидом и принятая Конвентом.

«Едва только занимается заря, как звуки вдохновенной музыки раздаются со всех сторон и заставляют людей сменить покой на радостное пробуждение. При виде благодетельного свети-

¹ Намек на стремление дехристианизаторов изобразить католицизм в глупом и смешном виде.

ла, которое оживляет всю природу, друзья, братья, мужья, дети, старики и матери спешат приготовиться к празднику божества. Снаружи дома украшаются трехцветными флагами, ворота и двери убираются гирляндами зелени. Целомудренная супруга вплетает цветы в волосы своей дорогой дочери. В то время, как младенец прижимается к груди своей матери, лучшее украшение коей он составляет, сын ее в расцвете сил берется за оружие; он не желает получить свою перевязь иначе, как из рук своего отца; старик, улыбаясь от удовольствия, со слезами умиления на глазах, чувствует, как молодеет его душа и возрождается его бывшая храбрость, когда он наделяет саблями защитников Свободы.

«Между тем раздается сигнальный выстрел и в один миг все жилища пустеют; они остаются под охраной республиканских законов и добродетелей; народ занимает улицы и площади; радость и братская любовь воспламеняют его. Разнообразные группы, украшенные цветами весны, представляют собой оживленный цветник, и благоухание располагает души к этой трогательной сцене.

«Барабаны грохочут, все принимает другой вид. Подростки, вооруженные ружьями, соединяются в отряды вокруг знамен своих секций. Жены покидают своих мужей и своих сыновей; в руках у них букеты роз. Дочери сопровождают своих матерей, которых они должны покинуть только для того, чтобы перейти в объятия своих мужей; они несут корзины с цветами. Отцы ведут своих сыновей, вооруженных саблями; те и другие держат в руках дубовые ветки.

«Все готово к отправлению; каждый горит нетерпением поскорее явиться на то место, где произойдет церемония, которая должна искупить грехи новых служителей преступления и королевской власти (т. е. дехристианизаторов. Я. М.).

«Залп артиллерии возвещает наступление долгожданного момента; народ собирается в Национальном саду; он окружает амфитеатр, предназначенный для членов Конвента. Портики, окружающие этот амфитеатр, украшены гирляндами зелени и цветов, переплетенными трехцветными лентами. Когда все секции собрались и все должностные лица на своих местах, народных представителей извещают, что все готово для праздника Верховного Существа. Члены Конвента, предшествуемые громкой музыкой, показываются народу; председатель появляется на трибуне, в центре амфитеатра; он дает почувствовать те побуждения, которые вызвали это торжественное празднество; он приглашает народ достойным образом почтить творца природы. Он говорит, и народ оглашает воздух криками восторга. Так слышим мы шум волн взволнованного моря — шум, который звучные ветры юга поднимают и разносят по долинам и далеким лесам.

«Внизу амфитеатра возвышается монумент, изображающий собою врагов общественного благополучия; отвратительное чудовище атеизма возвышается над всем; оно поддерживается че-

столюбием, эгоизмом, раздором и ложной простотой, под рубищем чищеты прячущей украшения, которыми убирают себя королевские рабы. На челе этих фигур можно прочесть слова: «Единственная надежда иностранцев». Она будет у них отнята. Председатель приближается к монументу, держа в руках факел; группа воспламеняется, чудовища возвращаются в мрак небытия: с такой же быстротой, как и заговорщики, пораженные мечом закона. Среди пепла возвышается статуя Мудрости со спокойным и ясным лицом; при виде ее слезы радости и благодарности текут из всех глаз. Она утешает добродетельного человека, которого атеизм хотел довести до отчаяния. Дочь неба как будто говорит, народ, воздай почет творцу природы; уважай его непоколебимые законы! Да погибнет дерзновенный, который осмелился бы посягнуть на них! Храбрый и великодушный народ, ты можешь судить о своем величии по тем средствам, к которым прибегают, чтобы тебя погубить. Твои лицемерные враги хорошо знают твою искреннюю привязанность к законам разума и через это они хотели тебя погубить; но больше ты им не позволишь себя обманывать. Ты сам разобъешь этот идол, который новые друиды хотели воздвигнуть посредством насилия.

«После этой первой церемонии, которая заканчивается простым и радостным песнопением, слышится бой барабанов, и звуки труб наполняют воздух. Народ располагается в определенном порядке и шествие начинается. Впереди двигаются две колонны; мужчины с одной, женщины с другой стороны идут двумя параллельными рядами. Отряд подростков движется в прежнем порядке. Порядок шествия секций определяется буквами алфавита. Среди народа показываются его представители: они окружены детством с фиалками, отрочеством с миrtleми, возмужалостью с дубовыми венками и седовласой старостью с виноградными и оливковыми ветками. У каждого депутата в руках букет из колосьев ржи, цветов и фруктов; это — символ той миссии, которая ему дана. Эту миссию он исполнит, несмотря на все препятствия, встречающиеся на его пути. Среди народных представителей, четыре сильных быка, украшенных фестонами и гирляндами, тащат колесницу, на которой блестит трофеи, составленный из инструментов искусств и ремесел и из продуктов французской территории. «Вы, живущие в роскоши и изнеженности, вы, чье существование есть не что иное, как тяжелый сон, может быть вы бросите презрительный взгляд на эти полезные орудия. О, бегите, бегите далеко от нас, ваши испорченные души не способны просто наслаждаться природой! А ты, народ, чувствительный и трудящийся, наслаждайся своим торжеством и своей славой, презирай низкие сокровища твоих малодушных врагов, а главное — не забывай, что герои и благодетели человечества умели вести свой плуг той же рукой, которой они побеждали королей и их приспешников».

«После того, как шествие украсило цветами и дарами статую Свободы, оно прибывает на площадь Соединения (Марсову

поле. Я. М.). «О чистые души и добродетельные сердца, здесь вас ждет восхитительная сцена, здесь Свобода приготовила вам самые лучшие наслаждения». Громадная гора делается алтарем отечества; на ее вершине возвышается дерево Свободы; народные представители бросаются под покров его ветвей; отцы со своими сыновьями группируются на предназначеннной для них части горы; матери со своими дочерьми располагаются по другую сторону; благодаря своей плодовитости и добродетели своих мужей, занимают они это почетное место. Глубокая тишина царит повсюду; слышатся трогательные аккорды гармоничной музыки. Отцы с сыновьями поют первую строфу; все вместе они клянутся положить оружие только тогда, когда они уничтожат всех врагов Республики; весь народ повторяет последние строки. Дочери и матери с глазами, устремленными на небесный свод, поют вторую строфиу; одни обещают выйти замуж только за тех, которые послужили родине, другие гордятся своей плодовитостью; «наши дети, — говорят они, — очистивши землю от тиранов, вернутся исполнить долг их сердцу»; они закроют глаза тем, от которых получили жизнь». Весь народ повторяет выражение этих возвышенных чувств, внушенных священной любовью к добродетели. Третья и последняя строфа поется всем народом.

«Все зашевелилось на горе; мужчины, женщины, девушки, старики, дети наполняют воздух своими голосами. Здесь матери прижимают к груди своих детей, которых они кормят, там поднимают вверх мальчика, слишком еще маленького, чтобы сопровождать отца, и преподносят его, как дар творцу природы; молодые девушки бросают вверх принесенные с собой цветы, это их единственная собственность в столь нежном возрасте. В то же время сыновья, охваченные воинственным пылом, обнажают свои сабли и передают их в руки своих старых отцов; они клянутся Равенство торжествовать над угнетением тиранов. Разделяя энтузиазм своих сыновей, восхищенные старики лобызают их и дают им свое родительское благословение.

«Оглушительный залп артиллерии, символизирующий собой народное возмущение, возбуждает мужество в республиканцах: он им возвещает, что день славы настал. Мужественная и воинственная песнь, предвестница победы, отвечает на грохот пушек. Все чувства французов выражаются в дружеском объятии; они соединили свои голоса, и один общий крик: «Да здравствует Республика!» — поднимается к божеству»¹.

В дополнение к этой программе, чрезвычайно ярко и красочно излагающей задачи, возлагавшиеся робеспьеристами на праздника Верховного Существа, в первой половине прериала была издана инструкция, выработанная конвентским Комитетом народного просвещения и содержащая некоторые более подробные диспози-

ции предстоявшего торжества¹. Кроме того, 16 прериала Конвент избрал своим председателем Робеспьера и тем самым отвел ему решающую роль в празднике Верховного Существа, а 17 прериала он декретировал, что его члены будут присутствовать на этом празднике в облачении, присвоенном конвентским комиссарам, т. е. в трехцветных шарфах и круглых шляпах, украшенных трёмя трехцветными перьями.

Для описания праздника 20 прериала мы воспользуемся рассказом, содержащимся в номерах газеты «Монитор» от 22 и 25 прериала. Сливая обе эти части в единое целое, мы получаем следующий отчет:

«Из всех празднеств, имевших место с начала революции, ни одно не прошло так стройно, гармонично, с таким братским чувством, как празднество последнего декадного дня. Этот день, посвященный Верховному Существу, представлял собой для добродетельного человека прекраснейшее зрелище великого народа, приближающегося к природе, отождествляющего свои чувства и свои желания и предлагающего творцу природы поклонение, тем более чистое, что оно избавлено от всякого суеверия и внушено только одной любовью к истине и справедливости. Великолепие праздника было в то же время и просто и величественно; все, что природа и искусство могли создать замечательного, все приняло участие в том, чтобы возвестить всем это новое торжество Разума.

«Все приготовления были сделаны с поспешностью и рвением, которые соответствовали торжественности празднества. В несколько дней на Марсовом поле была воздвигнута гора; громадная статуя появилась в Тюильрийском саду на месте, где раньше был большой бассейн; несколько монументов, исполненных с той быстротой и совершенством, которые может вдохновить только гений свободы, казались как бы спустившимися с неба, чтобы доказать могущество того существа, которое мы собирались прославлять».

«Все дома были украшены атрибутами свободы. Не видно было, чтобы роскошь богачей унижала бедняков. Счастливое и трогательное однообразие царило во внешнем убранстве жилищ; накануне вечером они все сразу, как по волшебству, были убраны ветвями деревьев, гирляндами, листьями и цветами, которые распространяли по улицам приятный запах и создавали очаровательное зрелище. Трехцветные флаги развевались у всех окон; трехцветные ленты сделались убранством всех женщин. Легче почувствовать, чем выразить, все трогательное и глубокое впечатление от этого невиданного зрелища; природа приложила тут все свои старания».

«С зарею весь город был в движении; общий призыв был сделан по всем улицам Парижа. Женщины и мужчины былиглашены явиться на сборные пункты их секций; мужчины были

¹ «Монитор», т. XX, стр. 653—654.

¹ Там же, стр. 654—656.

без оружия; лишь одни подростки от 14 до 18 лет были вооружены ружьями, саблями и пиками. Ровно в 8 часов залп артиллерии с Нового моста возвестил, что наступило время отправиться в Национальный Тюильрийский сад. Граждане и гражданки отправились из своих секций двумя колоннами: мужчины и мальчики справа, женщины, девушки и дети слева. Юноши, составлявшие отдельный отряд по 12 человек в ряд, двигались посередине. Матери несли в руках букеты роз — символ грации; у дочерей были корзины с цветами — символ юности. Мужчины и мальчики держали в руках дубовые ветки — символ силы и свободы.

«Когда все секции собрались в Тюильри, через павильон Единства спустились члены Конвента, предшествуемые многочисленными музыкантами, и поместились в амфитеатре, воздвигнутом для праздника божества. Председатель (Робеспьер. Я. М.) произнес с трибуны речь, в которой он дал почувствовать побуждения, вызвавшие этот праздник, и предложил народу достойным образом почтить творца природы. Вот эта речь:

«Французы-республиканцы! Настал, наконец, этот навеки счастливый день, который французский народ посвящает Верховному Существу. Никогда еще созданный им мир не представлял зрелица, более достойного его взгляда. Он видел на земле царство тирании, преступления и обмана; в настоящую минуту он видит, как целая нация, находясь в борьбе с угнетателями человеческого рода, прерывает свои героические труды, чтобы своими мыслями и мольбами возвыситься до Верховного Существа, которое возложило на нее задачу предпринять эти работы и дало ей силу их исполнить. Не оно ли, начертавши своей бессмертной рукой законы равенства и справедливости в человеческом сердце, тем самым вложило в него смертный приговор тирании? Не оно ли с начала времен приказывало быть республике и постановило обязательным для всех веков и для всех народов: свободу, честность и справедливость? Оно создало королей не для того, чтобы они уничтожали человеческий род; оно создало священников не для того, чтобы впрыгать их, как животных, в колесницу королей, и не для того, чтобы они давали всему миру пример низости, гордости, лицемерия, скupости, разрата и лжи. Нет, оно создало вселенную, чтобы проявить свое могущество; оно создало людей, чтобы они взаимно помогали друг другу и путем добродетели достигали счастья. Это оно поселяет в душе торжествующего угнетателя страх и раскаяние, а в душе невинно угнетенного — спокойствие и гордость; это оно заставляет справедливого человека ненавидеть злодея, а злодея — уважать справедливого человека; это оно увенчало стыдливостью чело красоты, чтобы еще больше его украсить; это оно заставляет женщину трепетать от нежности и радости материнства; это оно наполняет сладостными слезами глаза сына, прижимающегося к груди матери; это оно заставляет все страсти замолчать перед великой любовью к родине; это оно награждает природу всеми чарами, величием и бо-

гатством. Все, что есть хорошего — это его произведение, или это оно само. Зло присуще человеку низкому, который угнетает или позволяет угнетать себе подобных. Творец природы связал всех смертных великой цепью любви и блаженства. Да погибнут тираны, осмелившиеся ее порвать!

«Французы-республиканцы! Это вам надлежит очистить землю, которую они загрязнили, и возвратить справедливость, которую они изгнали. Добродетель и справедливость вместе вышли из лона божества. Одна не может существовать без другой среди людей. Великодушный народ! Хочешь ли ты торжествовать над всеми своими врагами? Пребывай в справедливости и вознеси божеству достойное его поклонение. Граждане, предадимся сегодня под его покровительством восторгам чистой радости; завтра мы снова будем преследовать пороки и тиранов; мы дадим миру пример республиканской добродетели, этим мы также прославим божество!»

«После этого слышится симфония, действующая прославить бога, который дал вселенной гармонию и порядок. Статуя, изображающая чудовище атеизма, зажжена рукой председателя; на месте ее показывается народу «Мудрость» во всем своем блеске; Национальный сад оглашается криками восторга. Председатель, сопутствуемый депутатами, снова поднимается на трибуну и произносит вторую речь, часто прерываемую всеобщими криками восторга:

«Вот оно исчезло во мраке небытия, то чудовище, которое короли хотели утвердить во Франции. Да исчезнут вместе с ним все преступления и несчастья всего мира! Вооружаясь по очереди то кинжалами фанатизма, то ядом атеизма, короли всячески пытаются погубить человечество. Они уже больше не в состоянии посредством суеверия извратить божество настолько, чтобы присоединить его к своим проступкам; теперь они стараются изгнать его с земли чтобы царствовать там одним вместе с преступлениями. Народ, не бойся больше их кощунственных заговоров; им так же не вырвать мир из лона его творца, как не, вырвать угрызений совести из своей собственной души. Несчастные, поднимите свои склоненные головы, вы еще можете безназаданно устремлять ваши глаза к небу! Герои родины, ваше великодушное самопожертвование не есть безумие: если приспешники тиранов могут вас убить, то не в их власти уничтожить вас совсем. Человек, кто бы ты ни был, ты еще можешь связать свое временное существование с богом и бессмертием. Да будет природа снова иметь свой прежний блеск, а разум свою прежнюю власть. Верховное Существо попрежнему царит над миром. Наши враги особенно старались изгнать мудрость из Республики. Мудрости надлежит укрепить счастье государства. Она гарантирует нам плоды нашего мужества. Присоединим ее к нашим предприятиям. Будем серьезны и сдержаны в наших совещаниях, как люди, которые управляют интересами всего мира; будем горячи и

упорны в нашем гневе против тиранов, неустрасмы в опасностях, терпеливы в наших работах, ужасны при поражении, скромны при успехе. Будем великодушны к добрым, сострадательны к несчастным, неумолимы к злым, справедливы ко всем. Не будем рассчитывать на безоблачное счастье, на легкое торжество и на все то, что зависит от порочности других; будем рассчитывать только на наши добродетели и на наше постоянство. Однокие, но верные стражи нашей независимости, мы уничтожим союз королей не столько силой наших войск, сколько величием нашего характера. Французы, вы сражаетесь с королями, следовательно вы достойны почитать божество. Существа из существ! Творец природы! Ничтожный раб, поддержка деспотизма, жестокий лицемерный аристократ оскорбляет тебя, взывая к тебе. Но защитники свободы могут доверчиво предать себя в твои руки. Верховное существо! У нас нет несправедливых молитв к тебе; ты знаешь создания, вышедшие из твоих рук, их потребности так же не ускользают от твоих очей, как и их самые сокровенные мысли. Ненависть к нечестию и тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и к родине; мы проливаем нашу кровь за все человечество. Вот наша молитва, вот наши жертвы, вот наше поклонение, которое мы тебе возносим!»

«После этого народ и его представители отправились на Марсово поле или площадь Соединения. Члены Конвента были окружены трехцветной лентой, несомой детством, украшенным фиалками, отрочеством с миrtleми, возмужалостью с дубовыми ветвями и старостью с оливковыми ветвями и виноградными листьями. Каждый представитель народа имел в руках букет, составленный из колосьев ржи, цветов и фруктов. Среди народных представителей двигалась античная колесница, на которой блестел трофеи, составленный из инструментов искусства и ремесел и из продуктов французской территории. Можно было заметить плуг и спонг ржи; затем инструменты типографии—источники знаний; они находились под сенью дуба, который возвышался около статуи Свободы и показывал, что искусства и ремесла процветают только под ее властью. Колесница с красной драпировкой, которую везли 8 быков с вызолоченными рогами, была устроена с большим вкусом.

«Члены Конвента были одеты в новые костюмы, что придавало еще больше величественности зрелищу. Шествие вышло через Пон-Турнан и обошло кругом статуи Свободы.

«По прибытии на Марсово поле колонна мужчин распределилась справа от горы, колонна женщин—слева. Отряды юношей разместились кругом горы; группа из стариков и подростков поместились на горе справа, группа молодых девушек и матерей семейств—на горе слева. Члены Конвента заняли самую высокую часть горы, а музыканты поместились посередине ее.

«Когда мужчины и женщины расплюклись согласно выработанному порядку, музыканты исполнили гимн Верховному Существу¹. После этого гимна исполнили большую симфонию. Старики и юноши, бывшие на горе, исполнили первую строфу на мотив марсельезы, давая клятву не класть оружия, пока не уничтожат врагов республики. Все мужчины, находившиеся на Марсовом поле, повторили хором этот припев:

«Перед тем, как сложить наши победоносные мечи,

«Поклянемся уничтожить преступление и тиранов».

«Группы женщин и молодых девушек спели несколько других строф; последняя строфа была исполнена всеми находившимися на горе. В то же время молодые девушки бросали вверх цветы, а юноши выхватывали свои сабли и клялись повсюду сделать свое оружие победоносным. Старики возложили на их головы свои руки и дали им родительское благословение. Наконец раздался в воздухе залп артиллерии, символизирующий собой национальное возмездие, и все граждане и гражданки, соединяя свои чувства в братском объятии, закончили праздник, поднимая к небу этот крик гражданственности и человечности: «Да здравствует Республика!»

«Статуя мудрости, воздвигнутая в Тюильри, была закрыта ужасным плащом атеизма. На лбу этого отвратительного идола можно было прочесть следующие слова: «Единственная надежда иностранцев». У ног его было написано его имя: «Атеизм». Факел разума уничтожил это чудовище, а на его месте появилась Мудрость, указывающая перстом местопребывание Верховного Существа.

«Гора, устроенная посреди Марсова поля, особенно привлекала внимание зрителей: там были скалы, утесы и терновники, как в природе. В один миг она была покрыта снизу доверху, в ложбинах и по всей поверхности, бесконечным количеством граждан и гражданок всех возрастов, военными трофеями, знаменами, пиками, всевозможным оружием, музыкантами. Члены Конвента, находившиеся на самой вершине, приковывали к себе все взгляды. Тысячи раз повторяемые крики: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора! Да здравствуют наши представители!»—слышались со всех сторон.

«Красота дня, свежесть убранства, искренняя радость народа, единодушие чувств, все речи граждан, наконец, сердечность и порядок, царившие в продолжение всей церемонии,—все это создало самый прекрасный праздник, который только мог быть записан в летописи Республики»¹.

¹ Слова его были написаны Мари-Жозефом Шенье, а музыка—Госсеком.

¹ «Монитер», т. XX, стр. 683—684, 701—702.

Таков был знаменитый праздник Верховного Существа, долженствовавший показать массам, что созданный робеспьеристами новый культ своими внешними церемониями никак не уступает католицизму, и таким способом отвлечь их как от этого последнего, так и от «атеизма». Этот смысл дня 20 прериаля был чрезвычайно четко сформулирован в выступлении Пайана в Парижской Коммуне уже на следующий день, 21 прериаля, когда он, восхваляя праздник Верховного Существа, между прочим говорил:

«Радость была всеобщей, восторг овладел всеми, и день этот, память о котором будет вечно жить в чувствительных сердцах республиканцев, есть несомненно самый сладостный плод революции. Он показывает, с какой быстротой развивается дух народа и несется к последним пределам человеческого разумения. Всех граждан удовлетворил простой и естественный культ Верховного Существа, они не пожалели ни о своих священниках, ни о своих прежних суевериях, они дали обет страстно любить добродетель и свободу; они решили исполнять свой долг перед божеством и отечеством» (курсив наш. Я. М.).

Понимая таким образом культ Верховного Существа как настоящий религиозный культ, долженствовавший заменить прежнее христианство, его инициаторы вполне естественно опасались возможности его профанирования. Поэтому неудивительно, что они ревниво сохраняли в своих руках руководство всеми связанными с этим культом церемониями; в частности парижским секциям, за очень немногими исключениями, не было довлеено устраивать в честь Верховного Существа празднества, аналогичных тем, которые в свое время были устроены ими в честь культа Разума. «Парижские секции, — рассказывает епископ Гре-туар, — хотели устроить в своих пределах повторение празднества, имевшего место на Марсовом поле. Однако это было им запрещено после выступления второго заместителя национального агента, жаловавшегося, что во время праздника в честь Предвечного в Большом Шаронне на вершине горы была водружена бутылка, а под ней кадило»¹.

По совершенно аналогичным соображениям было запрещено и воспроизведение праздника 20 прериаля с театральных подиумов. 13 мессидора (2 июля 1794 г.) Комитет общественного спасения утвердил принятую 11 мессидора Комитетом народного проповедования специальную резолюцию по этому вопросу, в которой между прочим говорилось:

«... Какая театральная сцена с ее карточными утесами и деревьями и с ее тряпичным небом может сравниться с великолеп-

ным зрелищем 20 прериаля или стереть память о нем? Воспроизвести это величественное зрелище на театральной сцене значит устраивать пародию на него... Тот, кто замыслит разыгрывать подобные праздники на сцене, уничит их величие, уничтожит весь их эффект и водрузит знамя раскола между религией французского народа и человеческого рода...

«... В виду этих соображений, Комитет, принимая во внимание:

«что пьесы, посвященные воспроизведению на сцене праздника в честь Верховного Существа, каковы бы ни были таланты их авторов, представляют лишь тесные рамки вместо огромной картины;

«что они не соответствуют ни истине, ни природе;

«что они имеют тенденцию ослаблять эффект и заглушать интерес к национальным празднествам, нарушая единство празднования;

«что они являются подражанием, лишенным художественности, и бездушной картиной;

«что они заменяют народные массы небольшими группами и таким образом оскорбляют их величие;

«что они вредны для прогресса искусства, губят таланты, портят вкус и не поучительны для нации;

«постановляет, что праздник Верховного Существа не может быть воспроизведен ни в одном театре Республики»¹.

Но если таким образом инициаторы культа Верховного Существа пытались строжайшим образом элиминировать из этого культа все то, что могло подорвать его значение новой религии, долженствовавшей притти на смену как католицизму, так и дехристианизаторскому движению, то анализ истории практического применения этого культа на всем протяжении Франции показывает, что цель эта не была достигнута. При этом, нарушение того понимания культа Верховного Существа, которое вкладывали в него его авторы, шло по двум линиям: в одних случаях культ этот, при его применении на практике, оказывался чрезвычайно похожим на католицизм; наоборот, в других случаях культ Верховного Существа применялся таким образом, что он почти ничем не отличался от культа Разума и дехристианизации!

Нам уже неоднократно приходилось подчеркивать те выступления Робеспьера и прочих сторонников культа Верховного Существа, в которых указывалось, что культ этот в их понимании являлся не чем иным, как средством борьбы не только с «атеизмом», т. е. дехристианизаторским движением, но равным образом и с католицизмом. Другим доказательством того же самого положения может служить то обстоятельство, что 22 фуреяля, т. е. всего лишь через четыре дня после издания декрета о культе Верховного Существа, Национальный Конвент принял закон,

¹ Gregoire, «Histoire des sectes», т. I, стр. 110. Цит. по Aulard «Le culte de la Raison», стр. 326. В русском переводе соответствующее место выпущено.

значительно ухудшивший положение католического духовенства. Принятию Конвентом декрета 22 флореяля предшествовал сделанный Безаром от имени Комитета законодательства доклад; в котором докладчик критиковал некоторые статьи декрета 30 вандемьера о положении священников. «Ст. 14 и 15 этого закона, — говорил Безар, — предписывают подлежащим ссылке священникам под страхом смертной казни в течение декады публикации декрета явиться в центр департамента, в котором они проживают. Но закон не указывает, что это же самое обязательство возлагается на престарелых (свыше 60 лет) или больных священников, для которых ссылка заменяется заточением.

«А между тем эти священники могут спрятаться, тем более, что самый их возраст или болезнь могут дать им средство заинтересовать в их судьбе слабые души, которые таким образом станут их союзниками и нанесут урон спокойствию Республики. Совершенно очевидно, что закон, будучи мягким относительно этих священников и смягчая в отношении их наказания, вполне заслуженное их упрямством, не имел вместе с тем в виду дать им возможность приносить вред. Поэтому не следует, чтобы они могли уклоняться от формальностей, ставящих их под непосредственное наблюдение закона...

«Не менее необходимо точно определить болезни, в силу которых ссылка заменяется заточением. Есть достаточное количество людей, которые для того, чтобы смягчить свою судьбу, прибегнут к симуляции, и закон должен предупредить эту возможность... Необходимо вырвать эту опасную меру из арсенала поповского обмана, и в этом отношении никакие предосторожности не будут излишними».

Согласившись с этими доводами, Национальный Конвент в том же заседании 22 флореяля без прений принял следующий декрет, текст которого был предложен ему Безаром:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета законодательства, декретирует:

«Ст. 1. Все подлежащие заточению престарелые или больные священники обязаны в течение двух декад со дня издания настоящего декрета явиться в главные города своих департаментов для заключения в предназначенные для них специальные дома.

«Ст. 2. Все те престарелые или больные священники, которые будут найдены по истечении этого срока на территории Республики вне этих домов, будут преданы суду и наказаны согласно постановлению ст.ст. 5 и 15 закона 30 вандемьера.

«Ст. 3. Свидетельства, представляемые теми священниками, которые, по их словам, не подлежат ссылке, должны быть вручены администрациям департаментов, которые назначат двух медицинских чиновников для осмотра этих священников и проверки правильности их свидетельств.

«Ст. 4. В случае, если назначенные администрациями департаментов медицинские чиновники признают эти свидетельства

неправильными или подложными, они письменно изложат свое мнение и администрации департаментов предпишут и осуществлять ссылку соответствующих лиц.

«Ст. 5. Включение настоящего декрета в бюллетень будет считаться равносильным его опубликованию».

Но если этот декрет должен был еще раз подчеркнуть, что инициаторы культа Верховного Существа отнюдь не рассматривали таковой как шаг на встречу католицизму, то мы уже говорили, что многие католики смотрели на это иначе и поэтому неудивительно, что многие из них не только приветствовали декрет 18 флореяля, но и старались использовать культ Верховного Существа в своих интересах. Воспользовавшись тем, что 20 апреля было вместе с тем днем троицы, многие католики, как рассказывает об этом уже цитированный нами Грегуар, явились на праздник Верховного Существа со своими молитвенниками и четками. А Олар, тщательно изучивший историю применения культа Верховного Существа в провинции, приходит к выводу, что «в новый культ было внесено не мало католических обрядов, как, например, воскурение благовоний, и не мало молитв по своей форме до такой степени напоминали катехизис, что простые души могли легко ошибиться»¹.

Но значительно многочисленнее были случаи, когда культ Верховного Существа трактовался на местах как простое продолжение культа Разума. Так, например, в Гавре национальный агент в заседании Коммуны утверждал, что «Разум и Верховное Существо составляют один и тот же принцип, из которого вытекает одна и та же вера для людей. Таким образом почитать один — значит вместе с тем и почитать другой». А в департаменте Жер одна газета писала:

«Декрет Конвента предписал заменить на фронтонах храмов надпись: «Храм Разума» надписью: «Верховному Существу». Это значит заменить следствие причиной, но храмы останутся тем не менее храмами Разума, ибо один только разум способен воздать Верховному Существу поклонение, достойное как его самого, так и тех, кто его воздает»².

При таком понимании нового культа неудивительно, что во многих местностях Франции праздники в честь Верховного Существа явились не чем иным, как чуть ли не буквальным повторением праздников Разума. А находившийся в Бресте конвентский комиссар Приер из Марны прямо предписал «починить и подновить» для праздника Верховного Существа ту самую гору, которая служила в свое время для праздника Разума³.

«На многих церквях,—рассказывает Олар,—остались прежние надписи: «Храм Разума». Но вот факт особенно характерный

¹ Олар, стр. 220.

² Альард, цит. соч., стр. 345. В русском переводе соответствующее место выпущено.

³ Олар, стр. 222.

и, вероятно, не единичный: в Безансоне в день 20 прериаля в центре кортежа, позади представителя народа, окруженного конституционными властями, двигалась колесница, влекомая четырьмя быками. На колеснице восседали трое старцев; один держал в руках сноп колосьев, другой — виноградные лозы, третий линейку и угломер; над ними в легком одеянии, увенчанная цветами, сидела на троне... кто? Гражданка Кюссэ, бывшая богиня Разума!

«Добавим, что почти всюду в провинции корифеи культа Разума играют главную роль и в церемониях культа Верховного Существа»¹.

Неудивительно, что понимаемый таким образом культ Верховного Существа в очень многих местностях Франции послужил почвой для продолжения дехристианизации. Так, например, в Безансоне, действовавший там конвентский комиссар Лежен, подобно Робеспьеру в Париже, поджег во время праздника Верховного Существа статую Атеизма, но окружавший эту статую костер был составлен из крестов, изображений святых обоего пола, четок, образов, церковных книг, чаш и св. Урсулы с одиннадцатью тысячами так называемых девственниц!²

Наряду с антихристианскими церемониями во многих частях Франции и при культе Верховного Существа продолжались ожесточенные преследования католического культа и его служителей, поводом к чему служила ст. 12 декрета 18 флореяля. «Скопление молящихся у церковных служб,—говорит Олар,—обыкновенно объявлялось аристократическим собранием. На этом основании местные власти стали постепенно повсюду запрещать отправление католического богослужения. Принудительное снятие духовного сана стало теперь явлением более частым, чем во времена Эбера. Священников, которые не отрекались от своей веры, заключали в тюрьмы, как аристократов. В Гаре, член Конвента Бори издал незаконный приказ, чтобы всякий католический священник или протестантский пастор был удален из своей коммуны на расстояние 20 лье» (курсив наш. Я. М.)³.

Итак, все сказанное позволяет нам констатировать, что культ Верховного Существа, несмотря на значительный успех его первых проявлений (праздник 20 прериаля был действительно массовым революционным праздником, несомненно вызвавшим широчайший народный энтузиазм), при своем применении на практике не разрешил ни одной из тех задач, которые возлагались на него его инициаторами. Как традиционный католицизм, так и дехристианизаторское движение продолжали существовать и при этом культе так же, как и до него; более того, мы только что видели, что в своем практическом применении самый культ Верховного Существа в огромном большинстве случаев терял свой специфический характер и вырождался либо в некое подобие католических

церемоний, либо в антихристианские торжища, аналогичные тем, которые существовали в эпоху культа Разума. Таким образом изучение истории культа Верховного Существа целиком подтверждает то априорное утверждение о неизбежности его неудачи, которое нами было сделано в начале настоящей главы. Поэтому вполне понятно, что культ Верховного Существа был в истории Французской Революции хотя и яркой, но вместе с тем и чрезвычайно краткой глаeой, и переворот 9 термидора унес его в могилу легче, чем его авторов — робеспьеристов. Что же касается до той основной задачи, которая возлагалась робеспьеристами на созданный ими новый культ, то она и к 9 термидора оставалась попрежнему неразрешенной.

¹ Олар, стр. 222—223.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 226.